

Вячеслав Жуков

**Охота
на президента**

КРИМИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Вячеслав Владимирович Жуков

Охота на президента

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805945

Аннотация

«В кремлевской администрации не дураки работают. Наверняка засекли, что кто-то, взломав пароли, проник в их компьютерную сеть и нагло скачивает всю информацию, касающуюся передвижений президента. Вычислить наглеца – дело техники, а она сегодня на таком уровне, что легко позволяет определить, в какой квартире находится тот компьютер, с которого программист выходит в интернет и нагло вторгается в работу президентской пресс-службы. Там точно знают, куда в ближайшее время и с какой целью направится президент. А вот зачем это нужно знать наглецу программисту, пока оставалось неизвестным. Об этом и хотели узнать сотрудники службы безопасности, оперативного отдела, руководил которым полковник Самохин...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	44
Глава 7	49
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Вячеслав Жуков

Охота на президента

Глава 1

Лифтерша Валентина Ивановна Кропотова пришла на работу на полчаса раньше. Обычно сменами они менялись в восемь утра, но коллега по работе, вечно куда-то спешащая женщина лет пятидесяти, на этот раз опять ушла, не дождавшись ее, лишь оставив на столе в служебной комнате записку, извещавшую о том, что вверенное им хозяйство, работает исправно. Большого при их работе и не нужно, чтоб лифт не застревал между этажами, тогда и жалоб не будет от жильцов на плохую работу лифтерш.

Валентина Ивановна села за стол, отложила записку сменщицы в сторонку и включила в розетку электрический чайник. Надо было еще сделать запись в журнале о том, что она приняла смену. Но это можно отложить и на потом. Дежурить ей до завтрашнего утра, а за это время можно сделать хоть сто таких записей.

Хлопнувшая дверь подъезда, заставила ее отвлечься от всяких размышлений. Она подняла голову и увидела вошедшего милиционера с папкой под мышкой. Сразу определила, что он не жилец этого подъезда. Жильцов всех она знала наперечет. Как-никак работала тут лифтершей уже не первый год. И хотя обязанности консьержки ее никто не заставлял выполнять, но Валентина Ивановна решила узнать, по какой такой надобности пожаловал сюда этот молоденький красавчик в новенькой форме. Неужели, ночью что-то произошло? А сменщица ушла и не предупредила.

Увидев, что милиционер намеревается пройти к кабине лифта, Валентина Ивановна быстренько шмыгнула из служебной комнаты на площадку.

– Вы к кому, молодой человек? – поинтересовалась она, заметив, что как видно, молодому человеку в милицейской форме не очень-то охота отвечать на этот вопрос. – Я вас потому спросила, – начала объяснять лифтерша суть своего вопроса, – чтоб вам не подниматься понапрасну. Вы идете, а человек может, уже ушел на работу. Вот и получится так, что только зря время потеряете.

Милиционер остановился. Глянул на любопытную лифтершу, потом на окно служебной комнаты, где стоящий на столе чайник, выпускал из-под крышки тугую струю пара.

– Я – в сто восьмую квартиру, – произнес милиционер довольно строго.

Валентина Ивановна тут же мысленно пробежалась по этажам, отмечая расположение квартир. Сто восьмая, была как раз на третьем этаже. Мужчину проживавшего в ней, лифтерша не знала по фамилии. Считала его вообще, каким-то не таким как все, потому что он никогда не разговаривал с ней. Так иногда утром, пробегая мимо, поздоровается на ходу и больше не словечка. Валентине Ивановне он не нравился. Малообщительный какой-то типчик. Ходит с низко опущенной головой, словно пыльным мешком его из-за угла шандарахнули. В последнее время Валентина Ивановна вообще не видела его не по утрам, не по вечерам. А вот жена его тут. Каждое утро за молоком ходит. Она и сегодня лифтерше повстречалась возле подъезда с сумкой.

Милиционер вошел в кабину лифта, и перед тем, как двери закрыться, бросил на Валентину Ивановну мало приятный взгляд, заметив который лифтерша сказала себе:

– Смотрите, какой строгий. Видно не любит, когда в его дела нос суют. Ну и ладно. Ну и пусть. А дел у меня и своих хватает.

Тут же она забыла о нем, вспомнив, что на столе стоит чайник, который уже вскипел. Она вошла в служебную комнату, достала из сумки чашку и банку быстрорастворимого

кофе. Сыпанула пару чайных ложек коричневого порошка в чашку и налила кипятку. Потом достала пакет с бутербродами.

Прошло минут десять, не больше, как лифтерша опять увидела того самого милиционера. Он возвращался. Но на этот раз Валентина Ивановна из своей служебной комнаты не вышла. Слишком много чести для этого молодца. Провожать его, она не обязана. И она так и осталась сидеть, в одной руке с бутербродом, в другой – с чашкой ароматного кофе. Только слегка кивнула головой, когда он с ней попрощался, перед тем, как открыть дверь подъезда.

Покончив с завтраком, она включила маленький телевизор, стоящий в углу, чтоб не скучать в одиночестве. В это время как раз должен был начаться сериал. Валентина Ивановна не пропускала ни один из них. Особенно любила смотреть их на дежурстве, все повеселей, и потому телевизор в ее смену работал почти круглосуточно.

Удобно разместившись на офисном стуле, который неизвестно откуда попал к ним в комнату, она переключила телевизор на нужный канал, но тут дверь подъезда опять открылась и на площадку вошла женщина, супруга хозяина сто восьмой квартиры.

Валентина Ивановна не могла усидеть на месте, заметив ее. Захотелось поделиться новостью. С чего бы это к ним вот так утром приходил милиционеру. Значит, есть за ее муженьком, какие-то темные делишки. Вот тебе и тихоня мужичок. Буркнет себе под нос чего-то, и не поймешь, не то здравствуйте, сказал, не то на три буквы послал. Попробуй, разбери. Но это он тут такой, а где-то в другом месте, совершенно другой. Тихоню этого, Валентина Ивановна сразу раскусила, плут он. Да и поговорка верна: в тихом омуте черти водятся. И выбежав из комнатухи, она прямо-таки преградила женщине дорогу, отчего та слегка опешила, ну глазенками моргать. Но еще больше она опешила, когда узнала о визите к ним милиционера.

– А зачем он приходил? – немного растерянно спросила она вдруг у лифтерши, когда Валентина Ивановна замолчала, пытливо уставившись в глаза женщине. Ишь, как бегают у нее глазенки-то.

Валентина Ивановна вздохнула, покачав головой. Мордашка у женщины хоть и хорошенькая, но уж слишком наивная, как у девочки школьницы. Вот простушку из себя корчит. Стоит, глазенками хлопает, как дурочка малолетка.

– Думаю, вам лучше знать, зачем к вам милиция приходит, – скрывая насмешку, сказала Валентина Ивановна и не упустила, ядовито добавить: – Или вашему мужу.

– Мужу? – несколько задумчиво повторила женщина и не стала дослушивать, что еще скажет ей бдительная лифтерша, быстро направилась к лифту. А Валентина Ивановна довольная произведенным впечатлением, вернулась в свою комнатуху, искоса наблюдая за хозяйкой сто восьмой квартиры, которая, как показалось лифтерше, теперь слегка нервничала. А может и не слегка, да просто вида не подавала. Такая же видать хитрюга, как и муж.

Бдительная Валентина Ивановна знала точно, что просто так по утрам милиционеры не приходят. Раз пришел, то, стало быть, в этом есть нужда.

Женщина не стала дожидаться, пока опустится кабина лифта, быстро пошла к лестнице. И тут же лифтерша услышала ее торопливый стук каблучков по ступенькам. Усмехнулась.

– Смотри, как занервничала. А еще спрашивает, зачем он приходил. Значит, есть, зачем. Вот и приходил, – проговорила она сама себе, переключая свое внимание на экран телевизора. Но сериал ей досмотреть не пришлось.

Крик, внезапно раздавшийся наверху, не на шутку испугал лифтершу.

* * *

Леха Ваняшин выглядел безумно счастливым. Праздников в их нелегкой оперативной работе случается не так много. Но сегодня для него был самый настоящий праздник, иначе не назовешь. С утра позвонили из отдела кадров и сообщили радостную весть о том, что Ваняшину присвоено очередное звание – старший лейтенант.

Усатый капитан Грек пожал приятелю Лехе руку, не забыв предупредить:

– Только смотри, не зазнавайся.

– Да ты что, Сан Саныч, я и не зазнаюсь.

Грек кивнул.

– Правильно. Молодец. И помни, кто тебя воспитал. Кто из тебя сделал настоящего опера, – продолжил он, в открытую намекая на свое наставничество. – Ведь ты теперь не младший лейтенант. И даже не лейтенант. А – старший. Звучит? – с гордостью спросил он.

Ваняшин улыбнулся. Старший лейтенант и в самом деле звучит куда приятней и веселей, чем просто лейтенант. И старший лейтенант Ваняшин сказал:

– Звучит.

Грек поднял указательный палец.

– Вот, – сказал он, и немного подумав, добавил: – Ладно. Основное торжество перенесем на вечер, а сейчас не помешало бы по стакану пивка за радостную весть. Сам понимаешь, такое дело воспринимать на сухую нельзя.

Ваняшин был целиком и полностью согласен с Греком, поэтому отреагировал бурной готовностью сбегать в ближайшую палатку.

– Ну так я сейчас и сбегаяю?

Усатый капитан одобрительно кивнул.

– Давай, Леша. И знаешь что...

Ваняшин уже хотел выскочить из кабинета, а теперь неуклюже развернувшись, замер у двери.

– Чего? – спросил он, уставившись на Грека.

– Леш, посмотри там. Может, еще бутылочку водочки возьмешь, – посоветовал Грек. – Пиво без водки, все равно что женщина без причесона.

Про водку Ваняшину можно было и не напоминать. Он бы и так взял. Поэтому, улыбнувшись, сказал:

– Конечно, возьму. И даже не одну. Чего для таких оперов одна бутылка водки, – весело подмигнул он Греку.

Грек улыбнулся, довольный тем, что подшефный его оказался очень сообразительным парнем.

– Правильно, Леша, не скупись для такого случая. Гулять, так на полную. И из закусок чего-нибудь прихвати. Жрать охота, сил нет.

Ваняшин кивнул и только хотел выскочить из кабинета, как дверь открылась, и в кабинет торопливо вошел их старшой, майор Туманов.

Едва глянув майору в лицо, Грек уже понял, что торжество отменяется. Причем, скорее всего, на неопределенное время. Но все-таки, в последней надежде сказал:

– Николаич, из кадров звонили. Лешке, старшего присвоили.

Туманов глянул на улыбающегося Ваняшина. Протянул руку.

– Поздравляю, Леша. Ну что, поехали, отметим радостное событие ударным трудом, – иронично предложил майор.

Грек от обиды хлопнул себя ладонью по правому колену.

– Ну, мать твою! Все не как у людей. Чего там случилось, Николаич?

– Труп с огнестрельной дыркой в голове, – сказал Туманов и посмотрел на Ваняшина. Вид у того был жалкий. Лишенный порыва, он в нерешительности топтался у двери, наблюдая за тем, как Федор Туманов достает из сейфа свой «ПМ» и засовывает его в кобуру.

Грек вздохнул, как мог, успокаивая своего подшефного:

– Ничего, ничего. Не тушуйся, старший лейтенант. Мы еще свое возьмем.

* * *

Дом, возле которого остановился микроавтобус с оперативной группой, находился на улице Лобачевского. «Скорая» приехала на двенадцать минут раньше. Ее вызвала хозяйка сто восьмой квартиры в надежде, что приехавшие медики совершат чудо. Но его не произошло. Осмотрев лежащего на кухне мужчину без признаков жизни, с огнестрельной раной в голове, старший медицинской бригады только развел руками.

С оперативниками он и его молодой помощник, стажер, встретились возле подъезда, когда выходили.

– Нам, к сожалению, там делать уже нечего. Дальнейшее в компетенции патологоанатома, а не врача «скорой помощи», – сказал врач, пожелав криминалисту Семину успехов.

Лифтерша, Валентина Ивановна Кропотова, встретила оперов на своем боевом посту. Едва сотрудники оперативной группы вошли в подъезд, она выбежала из служебной комнатки им навстречу.

– Здравствуйте. Вы из милиции? – спросила она.

За всех вошедших, ответил Федор Туманов:

– Из милиции, – сказал он, внимательно вглядываясь в лицо лифтерши, которая к приезду сотрудников милиции даже успела одеть новый темно-синий спецовочный халат. Именно в нем она решила предстать перед милиционерами. И предстала, как того требовала инструкция, висевшая на стене в рамке под стеклом в их служебном помещении.

Глядя в лицо лифтерши, Федор сразу для себя определил ту категорию людей, к которым и отнес ее. Такая из кожи вон будет лезть, лишь бы угодить начальству. Да и им тоже. Шепнул Греку:

– Сан Саныч, мы пойдем, поглядим, что там в квартире. А ты останься пока тут. Побеседуй с лифтершей. А заодно и погляди, кто входит будет и выходит.

Грек согласно кивнул, но тут же не упустил также шепотом спросить у майора:

– Так ты же говорил, там самоубийство?

Федор не стал пускаться в полемику, сказал кратко:

– Так мне сказал оперативный дежурный. Со слов жены потерпевшего. А по телефону, да еще в горячке, жены могут, чего хочешь наговорить. Наше дело проверить сей факт.

– Это правильно, – согласился Грек, предлагая лифтерше зайти в ее комнатенку, которую усатый капитан назвал каптеркой.

Человек, которого в дальнейшем во всех милицейских документах надлежало называть трупом, лежал в комнате на полу. Толстый ковер под его головой, пропитался кровью.

Федор Туманов с Ваняшиным еще даже не ступили на него ногой, как главный криминалист Семин зашипел на них, требую, чтобы сыщики замерли на месте там, где стоят. А стояли опера в коридоре возле двери в комнату, где лежал труп.

– Мне надо тщательно осмотреть ковер. Сделать несколько снимков. Видите, на нем ворс помят, – указал Семин на ковер, который явно уже недели две не пылесосили. – Это следы. Так что пока постоит, пожалуйста, там.

Федор возражать не стал. Ваняшин, как видно хотел что-то сказать в ответ на строгое замечание главного криминалиста, но Туманов запретил, заметив на это, что у каждого здесь своя работа и Семин по-своему прав.

– Пойдем лучше в кухню, побеседуем с супругой потерпевшего, – предложил майор.

Супруга потерпевшего видно еще до конца не могла поверить в то, что ее мужа больше нет в живых. Выглядывала из кухни в коридор и заливаясь слезами, просила сделать хоть что-нибудь. Конкретно она к чему не призывала. Хотя, что тут можно сделать, если человек уже мертв. На уехавшего врача «скорой помощи» она грозилась подать жалобу за неоказание должной медицинской помощи.

– Постарайтесь, успокоиться, – довольно жестко сказал майор Туманов, понимая, что иначе говорить со вдовой сейчас нельзя. Если дать ей возможность распустить нюни, то и вовсе разговора не получится, а у него к ней есть парочка, тройка вопросов, на которые бы желательно получить исчерпывающие ответы.

– К сожалению, вашему мужу врачи помочь уже не могут.

– А вдруг? Почему они уехали, так ничего и не сделав? Как же клятва Гиппократа? – размазывая по лицу слезы, спрашивала она, терзаясь от всего того, что произошло. Не думала, не предполагала, что такое может случиться с ее мужем. И теперь кроме огромного душевного потрясения испытывала еще и невыносимую боль, оставаясь наедине с горем. Все эти люди, которые сейчас здесь в доме, посторонние. Они не станут делить с ней ее горе. Они уйдут, а она останется и горе останется.

– Никаких вдруг, – строго заметил Федор. – Лучше скажите, когда это все произошло, вы, где были? – спросил майор.

Женщина покосилась на открытую дверь комнаты, откуда слышались голоса криминалиста Семина и двух его помощников. Их специфический разговор отвлекал ее, и, заметив это, Федор закрыл дверь кухни.

– Вы поймите, мы к вам пришли не ради праздного любопытства. Мы должны разобраться, что здесь произошло: самоубийство или убийство. И если это все же проявится как убийство, то получается, что ваше молчание только на руку убийце, – сказал Туманов и незаметно от женщины подмигнул Ваняшину. В ответ тот едва заметно кивнул и вышел, чтобы узнать по поводу случившегося мнение главного криминалиста. Возможно, у Семина уже что-то есть.

Женщина проводила страдающим взглядом Ваняшина, и когда он вышел, закрыв дверь, сказала горестно:

– Чем же я могу вам помочь? Меня не было в тот момент дома. Я ходила за молоком.

– Так рано? – не удержался от вопроса майор, вспомнив, что его Даша тоже ежедневно ходит в магазин за молоком, но не в такую рань.

– В половине восьмого к Универсаму каждое утро приезжает машина. Женщина, частница с бородатым мужиком, торгуют молоком. Понимаете... у Валерия астма. Врачи сказали, что ее излечение напрямую зависит от общего состояния здоровья. А как его поправить, когда муж по семь-восемь часов в день проводил у компьютера.

– И вы стали ему покупать молоко? – несколько иронично спросил Федор, не зная, как относиться к сказанному Людмилой Калугиной, как к блажи ее разлюбезного муженька, или как к поступку, достойному уважения. Так или иначе, но она, по-видимому, очень любила своего мужа. Вот только любовь не спасла ему жизнь. Пуля, выпущенная из револьвера тридцать восьмого калибра в голову, оборвала его жизнь. Если все же окажется, что это самоубийство, то не худо бы выяснить причину, побудившую Калугина решиться на такой поступок.

– Да. Стала, – сказала женщина, выжидающе глядя на беседовавшего с ней майора, каким будет следующий его вопрос.

А Федор был в раздумьях. Вопросов-то у него к супруге погибшего было много. Надо было узнать про оружие, как и откуда оно появилось в доме. И вообще, не мешало бы выяснить, возможно, за погибшим водились какие-то неблагоприятные дела. И подумав об этом, Федор проговорил:

– Скажите, утром, когда вы уходили из дома, не заметили каких-либо странностей в поведении мужа? Может, он волновался? Знаете, человек решивший покончить с жизнью, перед смертью ведет себя совсем не так, как вел раньше. Некоторые не могут справиться с нервами. Эмоции так и прут из них. Кого-то тянет сделать напоследок окружающим что-то хорошее. Например, осчастливить деньгами, которые откладывались на черный день...

Что-то едва похожее на осуждающую улыбку появилось на бледных губах Людмилы Калугиной.

– Нет, Валерий никогда не был скрягой. Когда мы поженились, ему было уже около сорока. Мне немногим больше двадцати. Вместе мы прожили всего три года и не обзавелись детьми. Жили друг для друга. Поэтому, деньги он от меня не прятал. Он работал программистом. Сначала в фирме. Потом ушел. Занялся, как это сейчас говорится, частной предпринимательской деятельностью. Зарабатывал неплохо. Я работаю переводчиком в издательстве. В деньгах мы нужду не испытывали, – для большей убедительности Людмила задумчиво покачала головой, давая понять, что больше майору не стоит возвращаться к этому вопросу. – А что касается первой части вопроса... Так я не заметила ничего такого. Утром, когда я ушла, Валерий еще спал. Молочница приезжает рано. А желающих купить у нее молоко – много. Поэтому из дома я вышла в семь пятнадцать, чтобы побыстрее занять очередь.

Федор задумчиво хмыкнул, подумав о том, что вообще-то смерть Калугина плохо вписывается в рамки самоубийства, если, конечно, он не обладал завидной выдержкой. Это, каким же надо быть толстокожим и с какими нервами, чтобы спокойно спать, зная, что утром жена уйдет за молоком и можно осуществить самоубийство.

И почему это надо было делать утром? Почему не вечером и не ночью? И с каких это пор мысль о суициде посещает мужиков после ночной спячки, когда мозг вообще ничем не загружен. Даже о проблемах текущего дня не хочется думать, не то, что о суициде. И полнолуния вроде не наблюдаются. Да и страдал ли погибший лунатизмом? Вряд ли. Он спокойно спал, а стало быть, ни о каком самоубийстве не помышлял. Особенно о самоубийстве из револьвера тридцать восьмого калибра. Маленькая такая штукovina с костяной рукояткой и барабанчиком. Пожалуй, самое время спросить об этой штукovине несчастную вдовушку, а то она, кажется, опять готова расплакаться. Лучше занять ее мозги мыслями, глядишь, чего-нибудь вспомнит полезное. И Федор Туманов обратился к вдове со словами:

– Скажите, вы когда-нибудь у себя в доме оружие видели? Я имею в виду тот револьвер, который валяется возле вашего мужа на ковре.

Калугина всхлипнула, вытерев нос, и отрицательно покачала головой.

– Нет, не видела. И вообще сомневаюсь, что он принадлежит Валерию, – ответила женщина. В голосе ее звучала такая определенность, что Туманову хотелось верить ей.

– Вы так уверенно об этом заявляете, – заметил Туманов.

Калугина не осталась в долгу.

– А вы себе представляете интеллектуала программиста с пистолетом в руках? – спросила она.

– Вообще-то, представляю. – Федору хотелось сказать, что за его работу в уголовном розыске доводилось видеть разное. И интеллектуалам не чужды слабости. Случается, и они хватаются за стволы. Правда, выходит у них по-разному.

– Вынуждена вас разочаровать, но Валерий никогда не брался за оружие. По-моему, у человека такого склада, как он, даже в детстве было отчуждение к забавам пострелять из рогатки. Не то, что к пистолету. Ведь человека из рогатки не убьешь. Да и не хотел Валерий никого убивать. Я в этом уверена, – с долей определенности выступила вдова Калугина в защиту своего мужа.

Но настырный майор не собирался так просто отступить. И сказал, пытаясь разрушать доводы, приведенные вдовой, как аргумент:

– Но ведь оружие можно хранить дома и с целью самозащиты.

– Можно. Но мой муж не хранил. Иначе бы я видела. Пистолет не иголка. А защищаться?.. От кого? От конкурентов? Знаете, мой муж был абсолютно бесстрастным человеком. Никому не завидовал. Никого не ущемлял.

Федор кивнул, представляя со слов жены, каким погибший Калугин был в жизни. Получился вполне приятный психологический портрет, этакого семьянина трудяги. Одно только не понятно, зачем понадобилось этому семьянину пускать себе пулю в голову да еще из револьвера тридцать восьмого калибра.

– Стало быть, судя по вашей убежденности, врагов у вашего мужа не было, и быть не могло? – спросил Туманов, взглядываясь в красные заплаканные глаза женщины. Подметил еще сразу, что к глупышкам ее не отнесешь. Скорее, к умницам. Такие семью заводят только по расчету, и чтобы муж подходил под общепринятый стандарт: не пил, не гулял, зарплату приносил домой всю до копейки и на любимую супругу пялился, как на икону. Такие и детей рожают, когда сочтут, что настала для этого благоприятная пора. С точки зрения норм морали, возможно, это не совсем правильно. Но это и не повод, чтобы подозревать несчастную вдову в доведении мужа до самоубийства. Стала бы она для него по утрам, как дура за молоком бегать.

– Насчет врагов, я не знаю. Были, не были. По крайней мере, Валерий мне ничего такого не рассказывал, – с ходу отвергла она навязанную майором Тумановым мысль по поводу врагов.

Федор вздохнул, подумав о том, какая не веселенькая картина получается. Жил был программист, в общем-то, мужик паинька, и вдруг – бах и нет паиньки. И нет ничего такого, за что бы можно было зацепиться в своих сыскных рассуждениях. Туманов вспомнил, когда только хотел войти в комнату, где на полу лежал Калугин, окинул взглядом ту комнату. Это было профессиональной привычкой, прежде чем войти в помещение, нужно быстро и в то же время внимательно оглядеть его. Он оглядел. Заметил, окно и балконная дверь были закрыты, а вот форточка. Маленькая форточка в окне, влезть в нее невозможно, но, тем не менее, она была открытой.

– А она у нас почти всегда открыта. И днем и ночью. Балконную дверь и окно, Валерий открывать не велел... – сказала Людмила Калугина, заметив, что этим как будто удивила майора Туманова.

– Постойте. Но ведь вы только что сказали, что ваш муж был астматиком. Разве приток свежего воздуха в квартиру повредил бы ему? – не удержался Туманов от вопроса.

Людмила Калугина согласно кивнула.

– Все правильно. Так мы и делали всегда. Но последние две, три недели муж даже из дома не выходил. Простудился. Говорил, что его иммунитет плохо справляется с простудными заболеваниями. И, по-моему, так оно и было. Малейший сквозняк и у него уже текли сопля. Поэтому окна я не открывала. Только форточку в его комнате, чтобы хоть какой-то был приток свежего воздуха.

Приоткрыв дверь, в кухню заглянул Ваняшин. Говорить ничего не стал, но Федор понял, этим лейтенант вызывает его в коридор.

– Я думаю, вам пока лучше посидеть здесь, – сказал Федор Людмиле Калугиной. Та беспрекословно кивнула, как собачонка, готовая выполнить любой приказ хозяина. Честно говоря, смотреть на мертвое тело мужа, ей и самой сейчас не хотелось. Каких-то полтора, два часа назад он был еще жив. Из спальни она вышла тихо, боясь разбудить его. Вечером он допоздна сидел у компьютера. Утром она ушла. А когда пришла, он был уже мертв.

Грек стоял в комнате, смотрел равнодушными глазами на суету главного криминалиста Семина и его помощников. Увидев Федора, сунул ему в руки объяснение, которое взял с лифтерши. И сказал:

– Прочти. Там есть кое-что интересное.

Федор быстро пробежал глазами по корявым строчкам. Почерк, конечно, был у капитана не очень, да и в преподаватели словесности Грек вряд ли бы сгодился по количеству ошибок. Но суть, он изложил правильно.

– Милиционер? – устался Федор в самодовольную физиономию усатого капитана. Тот утвердительно кивнул. И сказал:

– Милиционер. И приходил он не куда-то, а вот в эту самую сто восьмую квартиру. То есть, сюда. И вполне может так статься, что этот труп, его работа. – Греку непременно хотелось, чтобы Туманов отметил его старания. Вот какой он молодец. Пока майор со старшим лейтенантом Ваняшиным прокопались тут, он и с лифтершей успел побеседовать и по подъезду пробежаться. Правда, никто из жильцов ничего стоящего про Калугина не сказал. Кроме лифтерши. Ее показания Грек выделил особенно. Видя, что Федор Туманов призадумался, Сан Саныч Грек решил не отступать от своей версии.

– Ты, как хочешь, Николаич, а у меня этот милиционер вызывает подозрения. Прямо от лифтерши я позвонил в местное отделение внутренних дел. Подумал, может, участковый наведывался сюда. Оказалось, нет. Участковый, который обслуживает эту улицу, уже как пару дней в отпуске. И отбыл к родителям на Урал.

– Подожди, – остановил Федор Туманов своего словоохотливого коллегу Грека. – Но ведь в его отсутствие, кто-то должен исполнять материалы по этой улице. Может...

– Да не может, – перебил Грек своего старшего, решив все же досказать начатое до конца. – Начальник милиции общественной безопасности этого отделения сказал мне по телефону, что еще никому не поручал исполнять материалы за отпускника участкового. И вообще, на Калугина у них ничего нет. Понимаешь, вообще ничего. Никакого материала. С чего бы тогда сотруднику местного отделения милиции приходиться к нему?

– Ерунда какая-то, – Федор вернул Греку объяснение лифтерши.

– Вот и я говорю, ерунда, – охотно согласился Грек. – С утраца приходит милиционер, а потом жена возвращается и находит дома труп мужа. Еще бы не ерунда.

Федор посмотрел на своего усатого помощника, находя в его словах скрытую недосказанность. И заметив на себе взгляд майора, Грек договорил то, о чем сейчас подумал:

– Ты как хочешь, Федор, но, по-моему, никакой это не мент, а самый настоящий киллер, переодетый в милицейскую форму. Хорошо еще, что в этот момент жены не было дома, а то бы он, возможно, и ее, – усатый капитан махнул рукой, тем самым давая понять, что бы стало с Людмилой Калугиной, окажись она дома в неподходящий момент.

– Очень даже может быть, – задумчиво произнес Федор Туманов, не забыв Ваняшину отдать распоряжение, чтобы тот позаботился о понятах. – Пистолет отправим на экспертизу. Вы с Греком посмотрите тут, а я пойду, спрошу Калугину, почему она не сказала мне про милиционера.

– Вот. Правильно, – одобрительно произнес Грек, тут же добавив: – И пожоше с ней, – посоветовал он, посчитав, что лично он бы с этой задачей справился лучше: – А знаешь, что, давай, я с тобой схожу. – И вошел в кухню следом за майором.

Людмила Калугина сидела на табуретке возле окна, положив обе руки на подоконник, и печальными глазами наблюдала за стайкой голубей, круживших над сквером. Когда Туманов с Греком вошли, она повернула к ним зареванное лицо.

Греку она не понравилась. И даже не потому, что лицо у женщины было заплаканным с припухшими глазами. Греку не понравились ее глаза. По мнению Сан Саныча, Калугина не все рассказала майору Туманову про своего муженька. Возможно даже, что она догадывалась об истинной причине смерти, но предпочитала об этом не говорить. Такие размышления вызывали у капитана Грека подозрение. Поэтому он на Людмилу Калугину глядел с недоверием. Лично бы Грек, не стал верить ни единому ее слову. Другое дело, Федор Тума-

нов. Сейчас усатому капитану их майор казался обыкновенным лопухом. Развесил уши, проникнувшись сочувствием к несчастной вдове. А эта знай, ему лепит по ушам. Видишь ли, она в таком состоянии сейчас, что напрочь позабыла о том милиционере.

Сан Саныч Грек выглядел злым, как никогда. Как хорошо начался день. Приятная новость. Сослуживцу присвоили очередное звание. Хотелось посидеть по-человечески. И вот, на тебе, криминальный труп. Загадка с двумя неизвестными. Сам он себе пулю в башку вlepил, или за него это сделал тот неизвестный милиционер.

– Довольно странно, – сказал на это главный криминалист, когда Грек обратился к нему с вопросом. – Скажите, Греков, вот если бы вы задумали покончить жизнь самоубийством при помощи огнестрельного оружия, куда бы выстрелили себе? – спросил Семин, несколько обидев усатого капитана своим вопросом.

– Другой личности для примера не нашлось? – в свою очередь спросил Грек у криминалиста, бросив косой взгляд на старшего лейтенанта Ваняшина, который на глазах у двух женщин приглашенных в качестве понятых, пересматривал содержимое тумбочки. И криминалист мог бы для такого примера взять того же Ваняшина, но почему-то взял Грека. Сам Грек посчитал это мстостью за все те нападки, которые он допускал в адрес главного криминалиста, а тот, как оказывается, не только самолюбив, но еще и мстителен, и таким образом поквитался с усатым капитаном.

– Но все-таки? – не отступил от своего Семин.

Грек нахмурился.

– Ну я бы пустил пулю либо в сердце, либо в висок, – ответил Грек.

Семин обрадовался, как будто это уже произошло. Грек знал о тех неприязненных чувствах, которые питал к нему Семин за издевательские подкольчики.

– Иными словами, вы бы пустили пулю, чтобы уж наверняка. Я правильно вас понял? – спросил он.

Грек угрюмо кивнул. Вот привязался к нему Сема.

– Ты у нас смышленный. Понял правильно, – сказал Грек и тут же спросил: – Только к чему ты это спросил?

Семин взмахом руки, подозвал Грека, чтобы тот присел рядышком на корточки. Но Грек присесть не стал. Всего лишь наклонился. Но как оказалось, этого главному криминалисту было вполне достаточно, чтобы идеально растолковать то, о чем он думал.

– Смотрите, Греков. Смотрите, внимательно, – предупредил Семин, слегка развернув голову убитого.

Грек поморщился. Вот удовольствие привалило.

– Что вы видите? – спросил криминалист усатого капитана таким тоном, каким строгий учитель спрашивает нерадивого ученика за не выученный урок. Только в отличие от ученика, Греку учить ничего не требовалось. Он сам с усами. Достаточно всего лишь посмотреть внимательно, как того требовал Семин.

– Вижу рану в правой части головы чуть выше лба.

Семин одобрительно кивнул.

– Правильно. – Судя по этому замечанию, строгий учитель был вполне доволен нерадивым учеником. – А еще? Продолжайте, пожалуйста.

– Судя по ране, пуля вошла в череп спереди, пощекотала там маленько в башке и вышла в заднюю часть черепа, разворотив кость, – сказал Грек. Причем, так вошел в роль, что в некоторой степени стал ощущать себя настоящим судмедэкспертом. Только они с такой дотошностью копаются во всех тонкостях.

Семин был доволен. Опять кивнул и похвалил Грека за внимательность, назвав молодец. Усатый молодец улыбнулся, глянув на криминалиста уже, как на лучшего друга.

– Слава Богу, что у вас хоть с этим все в порядке, – тут же последовало замечание от главного криминалиста. Услышав такое, Грек сердито зашевелил усами.

– А с чем, это у меня не все в порядке? – нахмурился он, посчитав, высказанное Семиным, в высшей степени недостойным по отношению к себе, потому что, это в первую очередь касалось профессионализма.

– Да с мозгами у вас Греков, не все в порядке, – добавил Семин ложку дегтя в бочку с медом, отчего настроение у Грека упало. И он спросил обиженно:

– Это почему же у меня с мозгами не все в порядке?

– Пистолет у вас при себе? – вместо ответа, вдруг спросил Семин, несколько озадачив Грека.

– Ну при себе, – ответил Грек.

– Достаньте, – потребовал Семин.

Грек без лишних слов достал пистолет из оперативной кобуры.

– Выньте на всякий случай обойму, – попросил главный криминалист.

Грек хмыкнул.

– Не понимаю, к чему эта натотень с пистолетом? – сказал он с сарказмом, но Семин этим не смутил. Тот кивнул, и сказал:

– Сейчас поймете. Поднесите ствол пистолета к голове. Точно так же, как бы это сделал Калугин.

Грек попробовал.

– Но мне так неудобно, – воскликнул он, готовый послать криминалиста ко всем чертям, чтоб не устраивал здесь инсценировку, режиссер хренов.

– Все правильно. И ему, – кивнул криминалист Семин на лежащего на ковре мужчину, тоже было неудобно держать пистолет в руке. Ведь чтобы произвести нормальный выстрел, ему потребовалось бы держать пистолет рукояткой вверх. А это чрезвычайно неудобно. Вы же сами только что сказали. Тогда скажите мне еще вот что. Как, по-вашему, зачем человеку, решившему добровольно уйти из жизни, испытывать такие неудобства, когда гораздо проще выстрелить себе в сердце или в висок. И это будет наверняка. А этот выстрел, – указал Семин на рану на голове лежащего, – не обещает сто процентного смертельного исхода.

Грек призадумался.

– погоди, Сема, – бесцеремонно назвал он главного криминалиста так, как ему хотелось.

Семин взвизгнул обиженно.

– Уважаемый капитан, я вас попрошу впредь ко мне обращаться по фамилии и не коверкать ее.

– Да погоди ты, – махнул рукой Грек, думая о своем. – Это что же получается. Ерунда получается. Врач со «скорой» сказал, что Калугин мертв. Так?

– Скорее всего, получается так, что Калугин не сам пулю в голову. Вот что получается. Возможно, его убили. Понятно излагаю?

Грек поморщился.

– Так бы сразу и сказал. И нечего было выламываться, достань пистолет, приложи его к голове, – повторил он слова криминалиста и добавил уже от себя: – сказал бы сразу, так, мол, и так. Считаю, что это не самоубийство, а убийство. Понял? И не ори, как потерпевший, – Грек выпрямил замлевшую спину, охнул, схватившись за поясницу, повернулся к Семину и заметил ядовито: – И вот что еще, не считай себя умником. Понял? То, что тут произошло убийство, я это понял вперед тебя. Потому что есть свидетельские показания, что в квартиру заходил какой-то мент. Возможно, он и кокнул его, – кивнул Грек на лежащего и больше не желая тратить на криминалиста время, пошел помогать Ваняшину, который заканчивал с оформлением протокола.

Глава 2

С недавних пор Людмила стала замечать, что-то в их семейной жизни идет не так. Она не могла понять, что происходит. Раньше Валерий частенько где-то пропадал допоздна. Она не пыталась уличить мужа в измене, потому что была уверена в супружеской верности. Он говорил, задерживается на работе, и она считала, что так оно и есть. В какой-то мере, это для нее даже было удобно. Он ей не мешал заниматься любимой работой. Утром он уходил и приходил только вечером. И в его отсутствие, она наслаждалась одиночеством. Молодость свою не ценила, некогда было обращать внимания на других мужчин. Да и зачем ей другие, ведь у нее есть муж.

И так было целых три года. Она была молода. Считала себя в меру красивой, и жизнь казалась долгой и безоблачной. Хотелось пожить в свое удовольствие. Квартира, машина, это все пустяки. Это все теперь у нее было. Но самое главное, хотелось жить без проблем, чтобы голова ни о чем не болела. И вот, когда, казалось, эта ступень огромной лестницы, коей казалась жизнь, была достигнута, Людмила заметила перемены к худшему.

Муж, Валерий, перестал выходить из дому, ссылаясь на недомогание. На ее предложение, вызвать на дом врача, реагировал бурным отказом.

Людмила не понимала, что происходит. Терпела, сколько могла. И, наконец, терпение лопнуло.

– Может, ты, все-таки, объяснишь, что происходит? – попыталась она расспросить супруга.

Валерий сидел у компьютера. Раньше Людмила не обращала внимания, а сейчас это ее стало раздражать. Машина, натychканная искусственными мозгами, и возле нее он готов сидеть день и ночь, как будто ничего более интересного в белом свете не существует, в том числе и она, его жена.

– А что может происходить? – он с неохотой отвлекся от монитора. – Я, как и раньше занимаюсь составлением программ. Я – программист. Понимаешь?

Людмила постаралась скрыть злость. И чтобы муж не посчитал ее истеричкой, даже улыбнулась.

– Как раньше? Нет, дорогой, не как раньше. Ты целыми днями сидишь дома. Ты вообще перестал выходить из дома на улицу.

Он не упустил улыбнуться тоже. Причем, улыбка у него получилась более откровенной.

– У меня ослабленный иммунитет. Я боюсь простудиться, – ответил он. Сказанное им, Людмила восприняла как откровенное издевательство.

– О какой простуде может идти речь, когда на улице – жара. А хотя... я совсем забыла. Ты ведь принадлежишь к тем людям, которые могут споткнуться и упасть на ровном месте, – говоря все это, нарочно подбирала такие словечки, чтобы ему было побольней воспринимать их на слух. И считала, что для этого у нее есть вполне веская и обоснованная причина. Уже более месяца, ее разлюбезный супруг не проявлял никакой охоты вступить с ней в сексуальный контакт. Людмила не была ненасытной самкой, но хотя бы пару раз в месяц можно же это делать даже для такого астматика, каким был ее муж. Но для него компьютер, видишь ли, заменяет все, даже собственную жену. В таком случаи, пусть долбится с ним.

Людмила хотела выйти из комнаты, но муж взял ее за руку, удержал.

– Подожди, пожалуйста. Хочу открыть тебе тайну, – сказал он.

Людмила усмехнулась.

– Надеюсь, она государственной важности, иначе не интересно, – сказала с иронией, взглянув на своего очкарика, как на сумасшедшего. Видно совсем помешался он на своих программах, раз всякую чушь несет. Но чтобы не показаться невежливой, осталась.

– Знаешь, – вполне серьезно сказал муж, – как это звучит не парадоксально, но ты почти угадала.

Все сказанное им, показалось Людмиле абстрактным. Она всегда считала себя материалисткой и потому высказалась за конкретное.

Муж улыбнулся.

– Ты хочешь конкретности? – спросил он, но от прямого ответа воздержался, сказал: – Знаешь, вообще-то, работа еще не закончена. Еще пару недель мне надо посидеть у этого монстра, – кивнул он на стоящий, на своем столе компьютер и, заметив на лице жены полное разочарование, поспешил успокоить: – Зато потом мы с тобой будем чертовски богаты. Ты даже не представляешь, как мы будем богаты.

Людмила призадумалась. Вообще-то, богатство для нее было не главным в жизни. Хотя против того, чтобы разбогатеть, она ничего не имела. Можно было бы открыть свою маленькую фирму.

Муж на это улыбнулся.

– Сейчас ты горбатишься на свое издательство и получаешь за это гроши. Потерпи немного, и я куплю тебе это издательство с его потрохами. Подожди немного. А вообще, знаешь что, лучше мы с тобой уедем отсюда. Зачем нам это издательство? И вся эта пропащая страна, которая не ценит таланты. Мы с тобой будем жить там, где всегда тепло. Море. Солнце. Скажи, разве ты не хочешь такой жизни? – спросил муж.

Людмила не знала, что ответить. Со своей жизнью она давно свыклась и другой ее себе просто не представляла. Но все сказанное мужем прозвучало так заманчиво, что отказываться было грех. Еще грешнее, было обвинить мужа в несбыточных фантазиях. Это значило, обидеть его. И Людмила выбрала компромисс.

– А почему бы нам в самом деле не попробовать? – сказала она.

– Вот. Правильно, – радостно согласился муж. – Ты только потерпи. Совсем немного, – попросил он. В отличие от жены материалистки, муж всегда был романтиком. Парил в облаках, как считала Людмила. Любил помечтать. Ну и прекрасно. Пусть мечтает на здоровье.

– Ладно, мечтать не вредно, – уже нисколько не сердясь на него, сказала Людмила и чтобы не мешать, тихонько вышла из комнаты. Чем бы дитя ни тешилось...

Ее дитя тешилось длительным до изнурения просиживанием за компьютером.

Утренние походы за молоком, Людмила стала осуществлять по просьбе мужа. И началось это с тех пор, как он перестал выходить из дома. Примерно три недели назад.

– Не могла бы ты выполнить одну мою просьбу? – ненавязчиво попросил муж, после того, как с кем-то долго разговаривал по телефону.

Людмила возилась на кухне с завтраком. Не имела такой привычки, подслушивать за мужем. Поэтому, о чем был тот разговор и с кем, она не знала. Да и не очень хотела знать. В дела мужа носа не совала.

– Почему только одну? Я готова выполнить все твои просьбы, если ты хочешь, – улыбнулась она.

Валерий ответил взаимной улыбкой, но попросил ограничиться только одной.

– Если тебе, конечно, не сложно, не могла бы ты по утрам покупать мне молоко, – попросил муж.

Людмила удивилась. Что-то не припоминала, чтобы муж испытывал пристрастие к молоку.

– Молоко? – переспросила она, пытаясь понять, что же все-таки такое с ее разлюбленным супругом происходит. Неужели он, таким образом, намеревается увеличить потенцию.

Только вряд ли ему это поможет. День, вечер, ночь. Он готов сидеть возле своего компьютера сутки напролет. И голова его занята чем угодно, только не сексом. Мысли работают в другую сторону.

– Знаешь, недавно я узнал, что тут рядышком по утрам продают натуральное молоко. Думаю, с моим ослабленным здоровьем, не мешает его попить. Если ты не против?

Людмила была не против. Ее даже не смутило, что теперь ей придется по утрам вставать и бегать к молочнице. Да, в конце концов, это даже полезно, утренняя пробежка по свежему воздуху, не загрязненному выхлопами автомобилей. А мужу полезно молоко. Пусть пьет. Пусть поправляет свое пошатнувшееся здоровье.

– Хорошо, – согласилась она. – Я буду покупать для тебя молоко.

Муж улыбнулся.

– Спасибо, – сказал он, тут же заявив, что уже даже приготовил для нее сумку и литровую банку. – В эту банку тебе будут наливать молоко. А в этой сумке, – достал он старую коричневую сумку, – ты будешь его носить.

В принципе, Людмилу все устраивало кроме этой старой сумки из загрубелой кожи.

– С такими сумками ходят бабки, а я еще вроде, как и молодая. Давай, я лучше буду носить тебе молоко в другой сумке или сетке? – предложила она, но муж с ходу отверг ее предложение, заявив почему-то, что в сетке носить плохо.

– А, кроме того, даже если оно по случайности прольется, эту сумку будет не жалко. Она ведь старая. А та новая, – кивнул он, но новую сумку.

Людмила согласилась, лишь бы угодить ему. Да и по большому счету, супруг прав. Если это молоко разольется, старую сумку будет не жалко и выбросить.

Теперь, буквально через каждые два дня, она вставала ровно в половине седьмого утра, быстренько собиралась и бежала к Универсаму, куда подъезжала красная «четверка». На ней приезжали мужчина и женщина. Мужчина, примерно такого же возраста, как ее муж, а женщина выглядела моложе. Людмила не утруждала себя раздумьями на эту тему. Да и разве это так важно. Гораздо важнее другое, купить для мужа молока и уйти. Поэтому, она приходила пораньше, чтобы быть если уж не первой, то, как можно ближе к началу очереди. Ведь молока может и не хватить. Не так уж много его и привозят.

Она терпеливо дожидалась своей очереди, подходила к небольшому складному столику, привезенному с собой продавцами, подавала литровую банку. Мужчина наливал черпаком из большого бидона молоко. Женщина, принимала деньги, отсчитывая сдачу. Так было каждый раз. Но однажды...

Людмила вернулась домой и увидела, что ее «ботаник» уже сидит за компьютером. Он даже не соблаговолил открыть дверь. Пришлось воспользоваться своим ключом. Оставив сумку с молоком в кухне, Людмила прошла в комнату мужа.

– Доброе утро, милый, – она чмокнула его в щеку.

Он ее.

– Доброе, – ответил он скупно, не отвлекаясь от монитора.

Людмила хотела открыть окно, но муж категорически был против.

– Ни в коем случае. Ты хочешь, чтобы меня продуло?

Людмила вздохнула. Только этого ей как раз сейчас и не хватало.

– В комнате очень душно, – проговорила она в качестве аргумента, который, впрочем, на мужа не подействовал.

– Только форточку, – сказал он.

Людмила вздохнула. Пусть будет так.

– Представляешь, что сегодня было, – сказала она, немного обижаясь, что муж даже на минуту не в состоянии оторваться от своего дурацкого компьютера. И разговаривая с ней, сам таращится на монитор.

– Вместо дождя на головы граждан посыпался снег? – шутливо произнес он.

Людмила посчитала его шутку вполне идиотской, но, тем не менее, достаточно спокойно отнеслась к ней.

– Если бы, – произнесла она, решив все-таки высказать обиду.

– А что же тогда? – спросил муж, наконец-то повернув к ней лицо. На этот раз выглядел он в некоторой степени напряженным. Это Людмила не могла не заметить.

– Я как обычно подала банку продавцу. Этому бородатому молочнику. Он налил в нее молока. Закрыв крышкой. Стал ставить банку в сумку, в то время как я отдала женщине деньги. И тут я заметила, что, ставя банку в сумку, он шарит рукой в сумке. Представляешь? – Людмила произнесла это так, словно молочник был рядом, и она хотела его пристыдить за непристойный поступок. – Я такой шум подняла, – гордо произнесла она, – что этому нахалу мало не показалось.

– Успокойся, – выслушав ее, спокойно сказал муж.

Людмила не ожидала такого равнодушия с его стороны.

– Что значит, успокойся. Ничего себе. У меня в сумке будут шарить, а я должна успокоиться? Хорошенькое дельце, – еще больше возмутилась она.

– Да что в этой старой сумке можно нашарить? – усмехнулся муж.

Людмила хмыкнула, удивляясь тупости своего «ботаника».

– Как это что? Оказывается в сумке, внутри есть карман. Я не подозревала. Так вот мне показалось, что этот молочник шарил рукой именно в нем. А ведь в нем могли быть какие-то деньги. Мне явно показалось, как будто он что-то там взял, – не отступала Людмила от своего, поражаясь спокойствию мужа. Если уж он не желает ее поддерживать, то оставаться таким равнодушным, просто не имеет права.

– Береги нервы, – сказал супруг «ботаник». – Ничего страшного не произошло. И в сумке у тебя он ничего не взял и не мог взять. По крайней мере, денег там уж точно не было. И не зачем было поднимать шум. Не за чем орать. Понимаешь меня? – последовало строгое замечание, воспринять которое спокойно Людмила не могла.

– Да, но он что-то взял. Я ведь не слепая, – проговорила она раздраженно, припоминая инцидент до тонкостей. За ней в очереди оставалось не более шести человек. Но пусть этому бородатому мужику будет стыдно перед ними. Вдруг он к кому-то еще из очереди залезет в сумку. Пусть это будет предупреждением и ему и таким же доверчивым простушкам, как она.

Людмила вышла в кухню. Услышала, как муж стал звонить по телефону. По привычке к его разговору она не прислушивалась. Услышала только, как вначале муж перед кем-то извинился. Не понимала, за что ему следует извиняться, если он уже две с половиной недели не вылезает на улицу. Потом до ее слуха долетело несколько мало понятных фраз, которыми «ботаник» обещал, что ему остается совсем немного.

Она не знала, что это означает. Во всяком случае, ей от мужа частенько приходится слышать нечто подобное. Похоже, это выражение «совсем немного», стало его любимым. К обеду не дозовешься. Ему видишь ли, остается совсем немного. И это немного, растягивается еще часа на два. Людмила привыкла.

Ночью, ворочаясь с боку на бок, она вдруг проснулась и заметила, что мужа рядом нет. Это ее несколько не удивило. Иногда ее чудной «ботаник» вместо того, чтобы спать, как все нормальные люди, предпочитал совсем другое. И в этот раз в маленькой комнатухе, которую муж величественно называл кабинетом, горела настольная лампа. Вот только его самого возле компьютерного стола не было.

Людмила тихонечко встала и, выглянув в коридор, увидела, что в прихожей горит свет. Муж держал в руках ту старую сумку, с которой она ходит за молоком. Удивилась. Что это еще за новость такая? Оказывается у ее простачка «ботаника» есть от нее секреты. И один из них – дискета, которую он только что засунул внутрь сумки.

Она несколько не сомневалась, что дискета попала в тот самый внутренний карман, о существовании которого Людмила и не подозревала. Но зачем он ее туда положил?

Людмила не знала, как быть. Закатить ему сцену прямо сейчас, или отложить это на утро? Решила все-таки отложить на утро, потому что утро вечера мудренее.

А утром проснулась, и напрочь забыв про то, что видела ночью, быстро оделась и побежала за молоком. В очереди она оказалась четвертой. Самым первым был старичок, ветеран войны, вырядившийся как на парад. По крайней мере, Людмила несколько не сомневалась, что, собираясь за молоком, он нацепил на засаленный пиджак все значки и медали, которые только в его доме имелись. И теперь бряцая наградами, негодовал по поводу высокой цены на молоко.

Людмила особенно не прислушивалась к его болтовне. Скучающим взглядом водила по сторонам, терпеливо дожидаясь, пока старичок наконец-то расплатится и уйдет. Но ветерана, как видно потянуло на общение. И откуда только он взялся такой дотошный. Раньше его Людмила не видела тут.

Кажется, старик просто так уходит не собиравшись. Стал докалываться до продавцов, откуда молоко, и есть ли у них разрешение на торговлю тут.

Небольшая очередь из нескольких человек, в том числе и Людмила, готовы были проклипать старого. Сам он молока уже купил, и теперь решил поискать правду матку, докучая всем остальным и рассуждая на тему несправедливости, раздражая продавцов своим присутствием. Так, по крайней мере, решила Людмила, заметив, что продавцы молочники занервничали. Но тут же она поняла, что причина их невроза была совсем в другом, когда глянув, увидела, остановившуюся неподалеку белую «Тойоту» с тонированными стеклами.

Из машины явно наблюдали за тем, как идет торговля.

Людмила подала банку бородатому продавцу. Старалась не смотреть ему в глаза. После того случая с сумкой ничего кроме неприязни к нему не испытывала.

– Мне как всегда, – сказала она словно в пустоту.

Показалось несколько странноватым, что продавец приняв из ее рук банку, наполнил ее молоком, и как обычно поставил в сумку. Людмиле опять показалось, что он своей лапшей шарит по сумке, но на этот раз она возмущаться не стала. Раз это несколько не волнует мужа, то почему должно волновать ее. Пусть шарит, сколько хочет. Она перехватила его взгляд.

Бородатый верзила так смотрел на белую «Тойоту», словно ничего и никого кроме не замечал. И его помощница в белом фартуке и нарукавниках не отводила от иномарки настоящего взгляда.

Людмила протянула деньги за молоко.

– Быстро уходите, – чуть наклонившись, тихо сказал ей верзила молочник, накиннув на свой бидон крышку.

Людмила не поняла, ей ли вообще, предназначались эти слова. Растерянно спросила:

– Что? Это вы мне?

Но продавец не ответил. Запихнул бидон в открытый багажник. Его помощница мигом сложила столик, швырнула в машину следом за бидоном. Села на сиденье.

Кто-то из очереди начал возмущаться тем, почему не досталось молока.

– Прокисло молоко, – шутливо отозвался молочник и, видя, что Людмила все еще стоит, шепнул ей: – Немедленно уходите домой.

– А деньги? – спросила Людмила, не понимая, что вообще происходит. – Я же вам должна заплатить за молоко.

Но бородатый молочник уже ее не слушал. Запрыгнул в салон своей машины. Старик ветеран стучал костлявой рукой по крыше его машины, требуя вернуть деньги за молоко, раз оно кислое.

Когда машина продавцов молока тронулась, почти следом за ней поехала белая «Тойота». Людмила не видела, в какую сторону обе машины поехали. В конце концов, ей было глубоко наплевать на это. Наплевать на продавцов. На старика ветерана, принадлежавшего к неукротимому отряду вечно недовольных. Наплевать на все. Из того, что здесь произошло, она ровным счетом не понимала ничего. Возвращалась домой с тяжелыми мыслями, почему изо всей очереди продавец обратился только к ней. И денег за молоко не взял. Странно и не понятно.

В подъезде, въедливая до всех дел с проворностью дворовой собаки лифтерша, сообщила новость, от которой Людмиле стало не по себе. По крайней мере, приходу к ним милиционера, Людмила не обрадовалась. Наоборот, сердце подсказывало, что случилось нечто ужасное. Она пока еще не знает, что. Но оно уже случилось.

На ее долгий звонок в дверь, муж «ботаник» не открывал. И Людмила отперла дверь своим ключом.

Глава 3

– Я вот никак не пойму, – на возвышенном эмоциональном подъеме произнес Грек, вытаращив на майора Туманова свои черные глаза.

Федор посмотрел на Грека.

– Чего ты не поймешь?

– Да криминалист наш, Семин, мать его так. Еще там, в квартире, битых полчаса доказывал мне, что случившееся с Калугиным не похоже на самоубийство...

– И что? – спросил старший лейтенант Ваняшин.

Грек подвинул ему заключение криминалистической экспертизы.

– Да ни хрена! На, почитай, если не читал, – запальчиво произнес он. – Непонятка какая-то получается, если судить по этой бумаге. На рукоятке револьвера, из которого была выпущена пуля, имеются отпечатки пальцев погибшего Калугина. Так?

Федор Туманов кивнул.

– Ну так, – сказал майор. – Семин оперирует фактами. А они таковы: на рукоятке револьвера обнаружены только отпечатки пальцев самого Калугина. Но ты не забывай и про следы.

Грек едва не подпрыгнул на стуле.

– Вот как раз про них я и хотел сказать. Семин со своими лоботрясами обнаружили в квартире наличие нескольких следов. Так?

– Да что ты все заладил, так да так? Выражайся яснее, – потребовал майор.

– Ладно, – тряхнул усатый Грек своей башкой. – Пожалуйста. Извольте, товарищ майор. Судя по заключению криминалиста, один след принадлежит вдове Калугиной. Другой – врача «скорой помощи». Есть еще пара следов. Один из них, принадлежит помощнику врача, стажеру. А другой – тому самому неизвестному нам милиционеру.

– Ну и что? – спросил старший лейтенант Ваняшин, плохо понимая, чего этим Грек хотел выразить.

Усатый наставник разочарованно покачал головой.

– Да, Алексей, – вздохнул он. – Видать рановато тебе старлея дали, – заметил Грек.

Ваняшин обиженно надулся.

– Ты давай по делу, – предложил он, решив, что Грек отвлекается.

– А если по делу, то суть его такова, – важно заговорил Грек. – В комнату, где лежал на полу Калугин, заходили только два человека: его супруга и врач «скорой помощи». Следы подозреваемого нами мента обнаружены только в прихожей на коврике и линолеуме. Следы практиканта фельдшера – в прихожей, коридоре и кухне.

Федор Туманов закурил и сказал задумчиво:

– А ведь действительно. Как же я не подумал об этом. Если этот милиционер выстрелил в Калугина, то тело его должно было лежать в прихожей, а не в комнате.

Грек хмыкнул.

– Да я сам поначалу не подумал. А сейчас заглянул в заключение, и мысль эта пришла мне в голову.

– А еще чего пришло в твою светлую головку? – с ехидцей спросил Ваняшин.

– Пока только это, – сказал Грек, глянув на улыбающуюся физиономию приятеля Лехи Ваняшина.

– Да, Сан Саныч, – иронично произнес старлей Ваняшин. – Видно светлые мысли тебя боятся беспокоить и обходят стороной.

Грек на это замечание отмолчался. Заметив, что Федор Туманов сидит задумчивый, он не удержался, чтобы не поинтересоваться:

– О чем кумекаешь, гражданин начальник?

– Пытаюсь, разобраться, как все на самом деле могло происходить. Не мог же тот милиционер выстрелить Калугину в голову и каким-то неведомым образом перетащить его труп в комнату и при этом не наследить.

– Не мог, – согласился Грек, и тут же высказал другую точку зрения: – Но он мог передать Калугину оружие и что-то сказать на словах. Вдова уверяет, что у них в доме оружия не было. Но вдруг оно откуда-то появляется. Не из воздуха же. Значит, кто-то все-таки принес его в дом.

– Вот видишь, – радостно воскликнул приятель Леха. – Все-таки, ты не лишен логического мышления. Это ж надо до чего додумался. Гениально.

Грек нахмурившись, мрачно глянул на приятеля.

– А что, скажешь, я не прав?

Ваняшин не ответил, и Грек расценил это как поступок, при котором старший лейтенант остался верен своему мнению. Не сумел он убедить Ваняшина, ну и не надо. В конце концов, это не так и важно. Пусть считает, как хочет. Лично для Сан Саныча его мнение тоже ничего не значит. Другое дело майор. И Грек спросил у Федора Туманова:

– Николаич, а твое мнение?

– Мое мнение, что это тщательно спланированное и хорошо подготовленное убийство, – сказал Туманов и тут же спросил у Грека: – Ты лифтершу эту привозил к нам сюда?

– Да, привозил, – отмахнулся Грек, подумав, что об этом майору не стоило напоминать. Все-таки, в розыске он работает не первый год.

– Фоторобот того милиционера сделал? – наседал майор.

Грек согласно кивнул, сказав:

– И фоторобот сделал, и во все районные отделы направил. Только результата пока никакого, – разочарованно добавил он. – И вообще, сомневаюсь я, что это был настоящий мент. Скорее всего – киллер, переодетый в милицейскую форму. Как думаешь, Николаич?

Федор пожал плечами. Не хотелось признаваться, но сейчас он думал о другом. Теперь опять придется работать без выходных. И дома, скорее всего, следует ожидать скандала. Даша и так высказывает недовольство, что майор из-за этой работы совсем забыл про них с сыном. Федор только в очередной раз обещает вывезти их на выходные из душной Москвы за город, а потом оказывается, наглым образом забывает про свое обещание.

– Все может быть. Во всяком случаи пока его не отыскали, остается только гадать.

– Что мы и делаем, – с невеселым смешком проговорил Леха Ваняшин.

Неожиданный звонок телефона заставил сыщиков отвлечься от всякого рода размышлений. Слишком уж настойчивым он был. Трубку снял Грек.

– Слушаю, капитан Греков, – произнес Грек в трубку.

Звонила Людмила Калугина.

* * *

До издательства, куда Людмила сдавала рукописи переводов, она обычно добиралась на метро, а потом пару остановок на трамвае. Но на этот раз Людмила решила изменить привычке и, выйдя из метро, пройти пешком. В принципе, километр, другой, это совсем немного. К тому же, для людей, чья работа связана с долгим и нудным просиживанием за столом, такие прогулки только на пользу.

Выйдя из метро, она повернула к палатке, в которой обычно продавали мороженое. Сейчас, при такой жаре, не помешает стаканчик фруктового. Она уже полезла в сумочку за деньгами, и невольно бросила взгляд за трамвайную остановку, где стояло несколько мик-

роавтобусов, маршруток такси. И ей стало не по себе. Она даже забыла, зачем подошла к палатке и вообще стоит тут в очереди. Все мысли сейчас были о другом.

Толстая бабеха, продавщица мороженого, оторопело уставилась на нее, когда Людмила, отстояв в очереди, с деньгами в руке, вдруг прошла мимо окошка.

– Девушка, вам какое? – спросила на всякий случай продавщица, но девушка так и не ответила.

Людмила увидела белую «Тойоту» с тонированными стеклами. Возможно, не придавала бы этому значения. Но утром, выходя из подъезда, видела эту же самую машину на углу дома. И тогда, когда в то злосчастное утро, ходила за молоком. Интуиция подсказывала ей, это та самая «Тойота», увидев которую продавцы молока занервничали. Людмила не знала почему, но больше они уже не появлялись возле Универсама. Только теперь к ней пришла довольно странная и пугающая мысль о том, а что, если смерть мужа как-то связана с этой машиной. А теперь они следят за ней. Людмила не знала, кто сидит в этой машине, но была уверена, что это так и есть.

Она торопливо пошла по улице, то и дело, поправляя солнце защитные очки. Когда-то муж шутил над ней, говоря, что в этих очках она похожа на черепаху Тортилу. Нет, разлюбленный муженек оказался не прав. А может быть и прав. Людмиле плевать, на кого она похожа в этих очках, главное, что в них как в зеркале она может видеть отражение той части улицы, которая находится позади. И сейчас, поправляя очки, она пыталась разглядеть, не едет ли за ней та белая «Тойота», и ругала себя за то, что не воспользовалась трамваем. Ведь придумали их, между прочим, для того, чтобы люди ездили. Люди и ездят, а она, как дура топает пешком, сбивая высоченные каблуки туфель. Еще одна блажь, от которой ни одна женщина не в силах отказаться. Хочется выглядеть модно, эффектно, красиво, и для этого ходить на высоких каблуках, испытывать мучения, когда ты торопишься, того и гляди, чтобы нога не подвернулась, и не сломался тонкий длиннющий каблук.

Она отошла на довольно большое расстояние. Все то время, пока шла, то и дело наблюдала за улицей через очки. Белой чертовки «Тойоты» не было. И она уже стала успокаиваться. Ведь могла и ошибиться. Внезапная смерть мужа внесла некий психологический надлом в сознание. В таком состоянии поверишь во что угодно, и уж конечно, дашь волю собственным опасениям, что с ней и произошло. Стало казаться невесть что. А с этой «Тойотой» вполне может быть совпадение. Там «Тойота», возле ее дома и тут – совпадение и не более. Разве мало в Москве белых «Тойот». Надо было посмотреть на номер, но как раз это сделать она и не догадалась. Не догадалась тогда, когда пришла купить молока для мужа. Когда сегодня утром вышла из подъезда и сейчас, возле станции метро. Она оказалась лишена простого – смекалки. А с другой стороны, почему она должна запомнить номера? Пусть это делают гаишники, а она – женщина, к тому же осталась без мужа.

Глянув в очередной раз в очки, она вдруг испытала желание бежать. Сейчас бы скорей вернуться домой. Запереться и никому не открывать дверь.

Белая «Тойота» с тонированными стеклами ехала за ней в каких-то двух, трех десятках метрах.

Мимо охранника дежурившего внутри здания возле дверей, она пролетела вихрем, немало удивив его. Но догонять ее и требовать, предъявления пропуска, он не стал. Только осуждающе покачал головой.

В издательстве Людмила пробыла чуть больше пол часа. За это время успела сдать рукопись и, заключив договор, получить сравнительно небольшой гонорар. Когда вышла, охранник не упустил напомнить ей про пропуск. Людмила извинилась, сославшись на спешку. Охранника ее извинения вполне удовлетворили.

Разговаривая с ним, она через стеклянные двери пыталась разглядеть улицу. В одну сторону. В другую.

«Тойоты» не было. И она почувствовала некоторое облегчение на душе. Неужели отстали? Но тут же задалась вопросом, по поводу слежки. Зачем им, или ему, неважно, следить за ней? Ведь она не сделала никому ничего плохого. Просто жила. Просто выполняла обязанности жены при муже. Пахала на издательство. А теперь выясняется, что вдобавок к этому, она попала в поле зрения чьих-то интересов. Ею интересуются. Какая чушь.

Людмила вышла на улицу и еще раз осмотрелась по сторонам, повнимательней приглядываясь к лицам снующих мимо людей. Вдруг среди них окажется рожа того, кто наблюдал за ней через тонированные стекла окон «Тойоты». Хотелось бы глянуть на того человека. И вообще, если уж по утверждению фаталистов от судьбы не уйдешь, не лучше ли набраться наглости и вот так прямо на многолюдной улице подойти и спросить, какого черта им от нее надо.

Остановившись на тротуаре возле здания, в котором размещалось издательство, она повернула голову в одну сторону. В другую.

И вот. Она увидела белую «Тойоту».

Белая «Тойота» стояла на обочине проезжей части, словно поджидая ее. А Людмила, почувствовала в себе необузданную решимость. Когда-то в детстве испытывала точно такое же чувство, когда дралась с мальчишками одноклассниками. И сейчас она готова вступить в драку. Ну что они ей сделают? Убьют? Давно убили бы, если хотели. Могли это сделать там, когда она вышла из метро. Ведь знали ее маршрут. Значит, уже следили. Значит, уже могли убить.

Оглянувшись, и заметив, что охранник стоит за стеклянными дверями и с интересом смотрит на нее, она почувствовала в себе еще большую уверенность и направилась к белой «Тойоте». Причем, сделала зверски решительное лицо. Окажись сейчас в ее руке булыжник, не раздумывая, запустила бы им прямо в лобовое стекло иномарки.

И тот, кто сидел в ней, видно понял это. Кажется, вот так посреди многолюдной улицы, общение с ней не входило в его планы. Когда уже до «Тойоты» оставалось не больше двадцати шагов, мотор иномарки неожиданно завелся, и она, развернувшись в нарушение правил, вдруг покатила по улице.

Людмила, как дурочка, побежала за ней, размахивая сумочкой.

– Стой! Сволочь!

Споткнувшись, она упала на тротуар.

Проходивший мимо мужчина, бросился помочь подняться красивой девушке. Подал сумочку.

– С вами все в порядке? – спросил он, навязчиво улыбаясь.

Людмила уверенно кивнула.

– Да. В порядке. Вот только очки, – подняла она разбитые очки.

Доброволец помощник плотоядно окинул с головы до ног длинноногую девушку. Казалось, ничего другого, кроме ее ног и попки сейчас не интересовало его.

– А я смотрю, такая миленькая девушка и бежит за машиной, – напомнил он об уехавшей «Тойоте».

Людмила с улыбкой махнула рукой, давая понять, что ей все не почем.

– Любовник, – кивнула она в ту сторону улицы, куда умчалась иномарка. – Уехал и забрал ключи от квартиры, – соврала добровольцу, догадавшись, что он принадлежит к тем приставам, которые предпочитают знакомиться с девушками на улице, чтобы не пользоваться услугами дорогих проституток.

– Если вам негде переночевать, то приглашаю вас к себе. Вот мой телефон, – он достал из кармана блокнот, авторучку, записал номер. Вырвав из блокнота листок, сунул его в руку Людмиле.

Увидев, что мимо проезжает машина такси, Людмила махнула рукой, требуя остановиться.

– Так я надеюсь, – проворковал пристава, когда Людмила запрыгнула в машину. Она не помнила, ответила ли что на его приглашение. Может, не ответила. Может, просто отослала его куда подальше. Почувствовав себя расслабленной, назвала таксисту адрес. Ей хотелось побыстрее попасть домой. Выпить рюмку коньяку и в постель. И поскорее заснуть. Как жалко, что люди не могут спать, как медведи по полгода. Она бы хотела так.

Расплатившись с таксистом, Людмила вошла в подъезд и постаралась, как можно быстрее прошмыгнуть мимо лифтерши. Не хотелось ни с кем разговаривать, а с этой теткой тем более. Опять начнет расспрашивать, как жизнь, а сама ищет тему для сплетен. Задолбала своими расспросами о погибшем муже. Так не терпится, перемолоть его кости.

На этот раз Людмиле повезло. Лифтерша трепалась с кем-то по телефону, и поэтому не успела выскочить из комнатухи. А Людмила не стала вызывать лифт, пошла на лестницу.

Войдя в квартиру, заперла за собой дверь и, бросив сумочку на тумбочку тут же в прихожей, устало опустилась на стул, прислушиваясь к тишине, царившей в квартире. Ей хотелось тишины, чтобы не слышать ничего. Но большие настенные часы, висевшие в коридоре, нарушали эту тишину. Никогда не думала, что обыкновенные часы могут так сильно раздражать.

Тюк, тюк. Тюк, тюк. Маятник мерно покачивается из стороны в сторону. И опять это отвратительное: тюк, тюк.

Захотелось снять часы со стены и выбросить в окошко прямо на асфальт. И пусть там тюкают себе сколько угодно, а с нее хватит.

Чтобы не слышать их, Людмила вошла в комнату. Не в эту, ближнюю, где все-таки слышно тюканье часов, а в другую, которую покойный муж считал своим кабинетом. Там все осталось так, как было при его жизни. Его стол. Его компьютер.

Стоп. Компьютер. Людмила осмотрела стол. На нем стоит компьютер. Но что-то не так. Она это чувствовала, и не могла понять что. Тут же на столе, в большой коробке, лежали дискеты. Муж никогда не относился к ним бережно. Они всегда валялись у него кое-как. Несколько даже остались лежать на столе рядом с монитором.

Людмила протянула к ним руку, чтобы взять и положить в коробку вместе с остальными, и вдруг почувствовала, что от монитора исходит тепло. Удивилась. Уж не ошиблась ли она. Как такое может быть?

Она потрогала монитор сверху, потом с одного бока, с другого. Он еще не остыл. Он был теплым, и ей сделалось страшно. Кто-то в ее отсутствие явно пользовался компьютером мужа. Только теперь она заметила, что, и дискеты в коробке лежат не в той последовательности.

У нее была хорошая зрительная память. Возможно, она бы и не запомнила ничего этого, если б сама не сидела иногда за этим компьютером.

Окна, форточки, балконная дверь, все было закрыто и заперто. Оставалась входная дверь. Вспомнила, когда вошла и как обычно попыталась запереть дверь изнутри на защелку, не получилось. Что-то случилось с замком. Вот так сразу и не придала этому значения. Но сейчас к ней пришла жуткая мысль, что кто-то наверняка ковырялся с замком и постарался сделать так, чтобы защелка в замке не работала. Теперь запереться изнутри можно только на ключ.

Людмила прошла по квартире, заглядывая в кухню, ванну и туалет. Ей казалось, что кроме нее здесь присутствует еще кто-то. Будучи по натуре скептиком, никогда не верила в потусторонние силы, поэтому посещение квартиры духом покойного мужа, исключила сразу. Вряд ли бы дух стал включать компьютер и возиться с замком. Здесь явно постарался

кто-то вполне плотский. И такого заклинаниями не изгнать. Другое дело, если обратиться за помощью...

Она порылась в сумочке и достала визитку старшего оперуполномоченного по особо важным делам майора Туманова. И подсев к телефону, набрала его номер.

Глава 4

Грек прислонил свое ухо поближе к телефонной трубке, чтобы получше расслышать все то, о чем Людмила Калугина рассказывала майору Туманову.

Ваняшин не проявлял такого любопытства, как Грек, поэтому присел на подоконник и закурил, посматривая на Грека. Время от времени, Сан Саныч поворачивал к нему свою улыбающуюся усатую физиономию, и покрутив пальцем у виска, тихонько шептал:

– Ну она вообще. Явно у девахи крыша поехала.

В самом конце телефонного разговора, Федор Туманов поинтересовался у Людмилы Калугиной, кто из лифтерш сегодня дежурит.

– Фамилию ее я не знаю. Знаю только, что зовут ее – Валентина Ивановна, – ответила Людмила.

– Валентина Ивановна, это та самая лифтерша. Она как раз дежурила, когда мы выезжали на труп. Ее фамилия – Кропотова, – шепотом подсказал Грек.

Федор кивнул, что понял и попросил Людмилу Калугину пока никуда не отлучаться из дома. Когда он положил трубку, Грек спросил озабоченно:

– Чего ты спросил про лифтершу?

Но Федор Туманов уклонился от прямого ответа. Задумчиво покусывая кончик фильтра сигареты, обратился к Ваняшину:

– Вот что, Леша...

Старший лейтенант Ваняшин подсел к столу, поближе к майору. Рядышком уселся и Грек. Сейчас оба помощника были похожи на прилежных учеников, приготовившихся внимательно выслушать наставление строгого учителя.

– Тебе поручается ответственное задание. Надо как-то отвлечь эту Валентину Ивановну, чтобы мы с Греком прошли в квартиру к Калугиной. Понимаешь, о чем я? – спросил майор Ваняшина, заметив, как старлей из прилежного ученика превращается в тупицу. Для начала он почесал затылок, подумав над словами майора. Но так не до чего и не додумавшись, шмыгнув носом и сказал:

– Понимать-то я, понимаю. Только вот не знаю, как мне ее отвлечь.

– Разденься до трусов и сбаци «Барыньку» перед ней, – шутливо подсказал Грек первое, что пришло на ум.

– Дурак, – обиделся на него Ваняшин. – Мелишь, сам не знаешь чего. Вот возьми сам и пляши, чего хочешь.

– Ладно, Леш, не заводись. Я ведь это так, – попытался Грек сгладить ситуацию, положив руку на плечо приятелю Леше, но ничего путного подсказать по существу он не мог. Скроил задумчивую физиономию. И самому Ваняшину ничего подходящее на ум тоже не пришло, поэтому он честно признался майору:

– Николаич, я не знаю, как мне отвлечь эту бабенцию. – Виногато глянул старлей на своего старшего группы.

Федор призадумался. Для того чтобы им с Греком незамеченными попасть в квартиру к Калугиной, нужно было пройти мимо служебного помещения лифтерши. А в комнате большое окно, в которое бдительная лифтерша видит всех входящих и выходящих. Значит, каким-то образом нужно выманить ее из помещения. Сделать это чрезвычайно трудно, потому что целый день лифтерша сидит на стуле у окна и одним глазом таращится в телевизор. Другим в окно. Значит надо, чтобы она вышла из подъезда. Только так можно проскочить незамеченными. Или ее заманить в кабину лифта и отправить на один из верхних этажей. Хотя это вряд ли получится. Она не слесарь по ремонту лифта и ее место внизу в служебном помещении.

Федор злился на себя, потому что, как и Ваняшин с Греком не мог придумать ничего подходящего. Ни одного нормального варианта. Мысленно представил, как они с Греком могли бы спрятаться за угол подъезда, и если бы лифтерша вышла на улицу, они бы быстро вбежали и сразу по лестнице вверх, на третий этаж. Но как сделать так, чтобы она подняла свою задницу со стула и вышла на улицу. Хотя бы на несколько секунд.

И тут майор вспомнил, что слева от подъезда возле помещения, предназначенного для мусоропровода, стояла урна, набитая мусором. Видно дворник ленился выгребать из нее содержимое и делал это либо под настроение, либо просто от случая к случаю.

С точки зрения санитарии, его лень можно было рассматривать, как нарушение должностных обязанностей, за что требовалось налагать штраф. И если урна и сейчас была полная, то у них есть шанс. В отсутствие участкового инспектора, его роль можно возложить на Ваняшина. А в свидетельницы для составления протокола, понятное дело, кого он возьмет. Разумеется, бдительную лифтершу Кропотову. По крайней мере, это был единственный и самый подходящий вариант.

– Едемте, – сказал Туманов капитану Греку и старлею Лехе Ваняшину.

Им повезло. Урна возле подъезда стояла на том же самом месте. Вот только мусора в ней заметно прибавилось.

– Ничего не поделаешь, – вздохнул Федор Туманов, поглядывая по сторонам. – Придется похулиганить для пользы дела. – С этими словами, он ногой перевернул урну, повалив ее на бок.

Коробки из-под соков, разноцветные обертки от мороженого, обрывки газет и смятые пачки от сигарет, все высыпалось на асфальт. Возле своего дома, Федор бы никогда не позволил себе такого. Зрелище было неприятное, особенно, если учесть, что главным действующим лицом в нем был оперативный майор уголовного розыска.

– Значит, как решили, – сказал майор старлею Ваняшину. – Сейчас тыходишь и под предлогом составления протокола вытаскиваешь лифтершу сюда.

– А если она не захочет... – Ваняшин хотел спросить майора, что ему делать в случае, если лифтерша откажется покидать свой пост. Но майор не стал дожидаться, пока старлей выговорится.

– Если не захочет, бери ее за шкурку и тащи из подъезда, – он произнес это с такой решительностью, что Ваняшин не успел ответить:

– Понял. Так и сделаю, – и решительно вошел в подъезд.

– Грек, сюда, – сказал Туманов усатому капитану, и они оба спрятались за выступающий угол подъезда. Теперь все зависело от Ваняшина. Действовать старшему лейтенанту надо было быстро, чтобы не дать лифтерше возможность осмыслить происходящее. И он оказался молодцом. Не прошло и двух минут, как на площадке подъезда послышались голоса. Потом дверь открылась.

Первой, с деловым видом, вышла лифтерша. За ней с папкой, на которой лежал приготовленный бланк протокола, шагал старший лейтенант Ваняшин.

Увидев перевернутую урну и мусор, разбросанный по тротуару, лифтерша ахнула.

– Вот же, сволочи! Руки б за это поотрывала.

Усатый капитан Грек, стоящий позади Туманова, тихонько хихикнул, представив, как бы повела себя лифтерша, когда узнала бы, что виновник этого беспорядка, прячется позади нее за углом подъезда.

Федор показал Греку кулак, чтобы тот немедленно прикрыл рот. А стоящий позади лифтерши Леха Ваняшин, незаметно от нее заглянул за угол подъезда и кивнул на дверь, которую придерживал своей спиной, тем самым, давая понять, что приятелям сыщикам лучше поторопиться.

Туманов с Греком не стали ждать, пока лифтерша обернется, шмыгнули в подъезд. Как и было условленно, лифтом они не воспользовались. К тому же третий этаж, это не восемнадцатый.

Быстро поднявшись, Федор нажал на кнопку звонка: один раз и второй. Немного настроживала тишина за дверью, хотя Калугина должна была их ждать дома. Ведь майор ясно ее предупредил, чтобы она никуда не выходила.

– Эти женщины такой народ, – безнадежно махнул рукой Грек, видя с какой нетерпеливостью, майор давит на кнопку звонка.

– Она дома, – решительно заявил Федор. – Скорее всего, просто здорово напугана. Вот и не торопится открывать дверь.

– Мы что бандиты с большой дороги, – мрачно заметил на это Грек.

Федор не поленился нажать на кнопку звонка еще пару раз, и только тогда Людмила Калугина наконец-то открыла им дверь.

– Ну что тут у вас? – деловито спросил Грек, первым входя в квартиру.

– Я боюсь, – сказала Людмила, уставившись на сыщиков такими глазами, что оба, Грек и Туманов, были готовы поверить в то, что в квартире, кроме самой Калугиной, и в самом деле есть еще кто-то. – Понимаете, в мое отсутствие, кто-то заходил в квартиру. Вот хотя бы замок. В нем явно кто-то ковырялся. На нем есть защелка, видите? – показала Людмила на замок.

Федор с Греком внимательно посмотрели и не обнаружили внешних признаков неисправностей. Тогда майор попробовал запереть замок на защелку, как говорила Калугина и не смог. Что-то внутри замка не давало выдвинуть защелку.

Видя, какие усилия прилагает Федор Туманов, Людмила Калугина махнула рукой.

– Не трудитесь. Все равно у вас не получится, – сказала она.

– А может там чего-нибудь... – Грек не договорил, потому что не знал сам, чего там внутри замка могло поломаться. По железкам Сан Саныч был не специалист. Гораздо больший интерес в нем сейчас вызывала сама Людмила Калугина. Не сказать, что лицо у нее такое уж красивое, видывал Грек женщин и получше. Хотя и не страшенькая. А ножки у нее, просто прелесть. Длинные, стройные, и попка хорошенькая. Аппетитная.

И Грек не столько теперь смотрел на замок, сколько на молоденькую женщину стоящую рядом. Он вдыхал аромат ее духов и думал о том, что большой беды бы не случилось, если бы представилась возможность переспать с этой женщиной. В конце концов, с Анюткой они не расписаны и Грек ей никаких клятв на верность не давал. А для мужчины его возраста, заняться любовью с молоденькой женщиной, все равно, что принять чудодейственный эликсир. Взбодрился бы на целый месяц вперед. Анютка бы только рада была.

Федор, осмотрев замок, призадумался.

– Ну хорошо, допустим, кто-то действительно ковырялся в замке. А как вы думаете, зачем он приходил к вам? Что он искал тут?

Теперь призадумалась и Людмила Калугина. Стояла рядом, прислонившись спиной к стене с отвлеченным видом и рассеянно водила глазами то на усатого Грека, то на майора Туманова.

– Я точно не знаю...

– Вы сказали, в квартире ничего не пропало? Так может быть, вам показалось? – спросил Федор Туманов.

– Никто и не проникал к вам? – поддержал своего майора, капитан Грек. – Кроме этого замка, следов постороннего присутствия вы ведь не обнаружили?

– В том-то и дело, что обнаружила, – уверенно заявила Людмила. – Кто-то включал компьютер и просматривал дискеты. – Всех подробностей по телефону она Федору Туманову рассказывать не стала. Интуиция подсказывала ей, что тот, кто побывал в квартире,

искал именно ту дискету, которая лежала во внутреннем кармане старой сумки. Сумка валялась на видном месте в прихожей, и, возможно даже, в нее заглянули. В ней ничего не было. А сунуть руку внутрь и пошарить, просто поленились, иначе бы дискету нашли. Сейчас она все еще была там, куда ее положил Людмилиин муж. По-видимому, она представляла немалый интерес не только для продавцов молока, но и для кого-то другого.

– Возможно, мужа убили именно из-за этой дискеты, – высказала Людмила предположение, когда по просьбе Туманова вставила дискету в дисковод.

– Очень даже может быть, – произнес Федор Туманов, сосредоточив внимание на мониторе, где появились столбы цифр. Причем, их было так много, что Грек произнес недоуменно:

– Что это такое?

– Какие-то данные, только зашифрованные. А для того, чтобы их расшифровать, скорее всего, нужны еще дискеты, которые наверняка находятся у продавцов молока. Я только потом поняла, почему бородатый продавец оказывает мне такое внимание. Никому не оказывает, а мне сам ставит банку в сумку. Поправляет ее там, чтобы не упала, когда я понесу. А на самом деле он забирал из внутреннего кармана сумки дискеты, которые для него ложил туда мой муж.

– Вы носили и, конечно, ни о чем не догадывались? – малость с ехидцей спросил Грек. Людмила Калугина посмотрела на Грека и кивнула.

– Возможно вам трудно себе представить такое, но я действительно не догадывалась. Я думала, что всего лишь покупаю у них для мужа молоко.

Федор дал знак Греку, чтобы он не заводил Калугину. А потом спросил:

– Этот компьютер вашего мужа?

Людмила кивнула.

– Я поняла вашу мысль. Вы хотите сказать, что в памяти должен остаться шифр? Нет. В базе данных этого компьютера шифра нет. А, следовательно...

– Данные на дискету были перекачены вашим супругом на каком-то другом компьютере. Или дискета была похищена. Так? – спросил Федор Туманов.

– Вполне возможен и такой вариант. Ведь еще совсем недавно муж работал программистом в какой-то фирме. И очень может быть, что эта дискета как раз оттуда. И я прихожу к мысли, что Валерий из-за нее и умер.

– Да, – вздохнул Грек. – Если все это так, то эта дискета дорогого стоит, – сказал он.

Федор задумчиво посмотрел на усатого своего помощника. Причем, самому Греку этот взгляд майора показался очень подозрительным.

– Ты чего так смотришь на меня, Николаич? – не вытерпел Грек.

Федор махнул рукой, чтобы Грек отцепился.

– погоди, Саня, – бросил майор усатому капитану и повторил только что сказанное Греком: – Стоит дорогого... – Скажите, – тут же обратился он к Людмиле Калугиной, – у вашего мужа личный счет в банке есть?

Женщина не понимала, чего добивается от нее майор, спросила растерянно:

– Счет?

Федор кивнул.

– Да. Счет.

– Есть, – ответила Людмила, уставившись на майора удивленными глазами.

– Очень хорошо, – одобрительно произнес Федор Туманов и предложил Калугиной: – А теперь отыщите, пожалуйста, сберкнижку мужа, взгляните какой там телефон. Позвоните в банк и узнайте, не поступали ли на счет вашего мужа деньги. Если поступали, спросите, какая сумма и когда поступила.

Людмила недоуменно хмыкнула, пожав плечами. Она по-прежнему не понимала всего сказанного майором. Но все сделала так, как ей велел Федор Туманов. Сначала она отыскала сберкнижку мужа, потом позвонила в банк и назвала номер счета.

Понимая, что они теперь здесь надолго, Грек чтобы не скучать, решил закурить, при этом, забыв спросить разрешения хозяйки дома. Увидев на столе пепельницу, набитую окурками, бесцеремонный капитан подвинул ее к себе поближе, и, достав из пачки сигарету, закурил. Поймав, осуждающий взгляд майора, махнул рукой.

– Да что мне теперь умереть без курева? – шепотом ответил он Федору.

Сам майор оказался более сдержан, хотя курить ему хотелось не меньше чем Греку. И чтобы не поддаваться искушению, он отвернулся от довольной усатой рожи, выпускающей изо рта колечки дыма. Глянул на Людмилу Калугину и увидел, что брови, у нее превратившись в дугу, медленно поползли на лоб. На сыщиков она посмотрела такими глазами, словно вообще не понимала, кто они и зачем здесь в ее квартире оказались.

– Ну? – с присущей ему выдержкой спросил майор.

– Странно, – медленно произнесла Людмила. – Вы оказались правы. Мужу на его счет поступили деньги...

Грек докурил сигарету, притушил окурком о пепельницу.

– Сколько? – поспешил спросить он.

– Пятьдесят тысяч, – ответила Людмила грустно.

Лично Сан Саныч Грек не понимал причину ее грусти. Ему бы половину этой суммы. Уж Грек знает, что с ними делать.

– Пятьдесят тысяч долларов. Такая сумма, – теперь Людмила выглядела напуганной еще больше.

– Долларов? – переспросил Грек и замолчал, понимая, что за просто так никто «зеленью» разбрасываться не будет.

В комнате воцарилась такая тишина, что стало отчетливо слышно тюканье часов в коридоре.

Тюк, тюк. Тюк, тюк.

Прислушиваясь к монотонному тюканью, Людмила дала себе слово, что обязательно выбросит эти дурацкие часы на помойку, заменив их на электронные. Эти уж точно слух раздражать не будут.

– Вы узнали, когда деньги поступили на счет вашего мужа? – ненавязчиво спросил Федор у Людмилы Калугиной.

– Что? – подняла она на майора утомленные глаза, на которых уже блестели слезы.

Только не хватало еще, чтобы она расплакалась. Поэтому Федор довольно жестко сказал:

– Постарайтесь сдерживать свои эмоции.

Она кивнула.

– Да, конечно. Извините, – извинилась она, тут же вернувшись к вопросу майора, ответила: – Деньги поступили за день до смерти мужа.

– Теперь все ясно, – несколько развеселившись, сказал майор Туманов.

В отличие от него, капитану Греку было многое не ясно. И в первую очередь, кто тот добряк, который вот так запросто, взял да и перевел на счет Калугина пятьдесят тысяч долларов.

Федор, особенно не утруждаясь этим, махнул рукой.

– Этого я пока тоже не знаю. Зато мы можем придерживаться версии, что Калугин продавал по частям какую-то информацию. Понимаешь, Саня? Он ждал перевода денег. Поэтому два дня и не посылал свою жену, то бишь вас, – глянул майор на опешившую женщину, сидящую рядом, – к этим, будь они не ладны, молочникам. Потом он узнал, что деньги

переведены на его счет и отправил вас якобы за молоком, предварительно вложив в сумку дискету. По-видимому, это была последняя дискета с недостающей информацией. И кому-то она очень нужна.

Капитан Грек молчал минуту, а может и больше. Все сказанное майором и в самом деле можно было взять за основную версию совершившегося преступления, с одной лишь маленькой оговоркой.

– Допустим, ты прав. Но скажи мне вот чего, – потребовал капитан Грек откровений от Федора Туманова. – Зачем было убивать Калугина, если он согласился продать дискету? А? Что на это скажешь? И деньги уже перевели, – пристально уставился Грек своими черными глазами на майора.

Федор кивнул. Отчасти Грек был прав. Но в его словах отсутствовала логика. Она была в другом. И майор тут же сказал:

– Ты забываешь про утечку информации, – напомнил он то, чего Грек забывать был не должен. – Да, деньги перевели Калугину. Но они решили подстраховаться, чтобы он не перепродал ее еще кому-то, кто хотел бы ею воспользоваться. А, кроме того, нельзя исключать участия третьих лиц.

Грек оказался понятливым, кивнул.

– А, когда есть еще кто-то, кто заинтересован заполучить эти дискеты, но платить за них не хочет, – высказался он.

– Правильно, – охотно согласился Туманов. – И вот этот «кто-то», выходит на контакт с Калугиным. Не знаю уж какие условия ему ставили. Потом его убирают. Но они не знают, где дискеты. И тогда кто-то забирается к вам в дом, – сказал майор Людмиле Калугиной. – Пока кто-то наблюдал за вами из окна белой «Тойоты», другой кто-то шарил в компьютере вашего мужа. Но дискету они не нашли. Мужа вашего нет в живых. – Федор посмотрел на побледневшую Людмилу Калугину.

– Вы хотите сказать, что теперь и меня убьют? – спросила женщина дрогнувшим голосом.

Туманов такой исход не исключал. Как и не исключал того, что убитый Валерий Калугин мог поделиться с женой информацией, которая в дальнейшем стоила ему жизни.

– Да, нет же, – хрустя пальцами, убеждала Людмила упрямого сыщика Туманова. – Говорю вам правду. Ничего такого мне муж не говорил. Сказал только, что скоро мы станем богатыми и уедем из страны. И все. Я не знаю, как мне вам это доказать, чтобы вы поверили. Но я говорю вам правду.

Когда, сославшись на внезапную головную боль, женщина вышла в кухню, чтобы принять таблетку, Грек, воспользовавшись ее отсутствием, тихонько шепнул Федору Туманову:

– Ты ее здорово напугал. Скажи, ты действительно считаешь, что ее могут убить? – с сочувствием спросил он.

– А ты думаешь, замок в ее двери сам собой сломался. И тот, кто в нем ковырялся, рассчитал все. Сегодня дело уже к вечеру, и Калугина не пойдет в магазин покупать новый замок. Значит, на ночь не сможет закрыть дверь на защелку.

– Погоди, – захолопал глазами Грек. – Ты хочешь сказать, что этой ночью тот человек попытается зайти к ней в квартиру?

– Тот, или другой, не знаю. Но что кто-то зайдет, это точно. Потому что завтра она купит и установит в двери новый замок. А этот выкинет. И тот, кто поработал с замком, это понимает. Поэтому, нам с тобой, Саня, придется остаться тут до утра.

Грек разочарованно вздохнул. Заметив, как сразу капитан загрузил, Федор сказал успокаивающе:

– Ничего, пусть твоя Анютка хоть ночку без тебя отдохнет. А то ты ее, поди, замучил.

– Федор, я погиб, – захныкал Грек. – Ты не представляешь, какой скандал будет теперь у меня дома. Я должен ей немедленно позвонить, – с этими словами усатый капитан вышел в коридор.

Людмила Калугина была не против того, что эту ночь сыщики проведут в ее квартире. Остаться одной, ей не очень-то хотелось.

– Сегодня мы побудем с вами, а завтра, что-нибудь придумаем, – пообещал Федор Туманов. Сначала он позвонил по сотовому телефону домой, заранее ожидая, какой будет на его отсутствие реакция Даши. Как и ожидал, реакция оказалась самой отрицательной. Любимая жена в довольно категоричной форме заявила своему майору, что если для него работа дороже чем она с сыном, то он может вообще не возвращаться домой и сидеть на своей работе как полоумный и днями и ночами.

– Другого, второго такого дурака, я еще не встречала, – сказала Даша и положила трубку.

Федор даже не успел ответить ей, как он безумно любит ее и Алешку.

Следующим звонком с мобильного майора, был звонок Ваняшину. Узнав, что старший лейтенант все еще возится с лифтершей, Туманов сказал, что они с Греком останутся в квартире у Калугиной на ночь, а ему, Ваняшину, велел находиться в своей машине, для чего ее надо поставить так, чтобы видеть всех входящих в подъезд и выходящих.

Для этого старший лейтенант решил поставить свою «девятку» напротив, возле одного из подъездов соседней многоэтажки.

Глава 5

Неожиданный звонок телефона вызвал у хозяйки квартиры нешуточное волнение. А Федор Туманов пожалел, что сразу не решил вопрос о том, чтобы поставить телефон Калугиной на прослушку. Сейчас бы это пригодилось.

Видя, что телефон не умолкает, а женщина как будто и не собирается подходить и снимать трубку, Федор едва ли не силком подвел ее к аппарату.

– Я не хочу, – заупрямилась Людмила Калугина. – Я боюсь, в конце концов.

Федор посмотрел ей в глаза. В них был страх, преодолеть который не хватало сил. И майор как можно спокойней произнес:

– Вы поймите, ни я, ни капитан Грек не можем снять трубку. Это должны сделать только вы. И не бойтесь, мы рядом. С вами ничего не случится.

– Хорошо, – немного успокоившись, ответила женщина и, протянув дрожащую руку к аппарату, все-таки сняла трубку. Поднесла ее к уху и проговорила:

– Алло. Я слушаю? Ну говорите же? Кого вам? Сан Саньча? Какого? Извините, но вы, наверное, ошиблись номером. – Она уже хотела положить трубку, но Грек вскочил с кресла.

– Это меня. Анютка моя.

Федору хотелось плюнуть с досады. Неужели Грек не понимает, что тот, кто убил Калугина и потом побывал в его квартире, запросто могли и установить свою прослушку этого домашнего телефона. И тогда получится так, что ночью сюда никто не придет.

– Ты – идиот, Грек, – сказал Туманов усатому капитану, после того он переговорил со своей подругой.

– Наверное, да, – грустно согласился Грек.

Федор даже удивился такому сдержанному восприятию. Обычно Грек неохотно примеряет на себя подобные ярлыки.

– Анютка мне сейчас сказала тоже самое. Представляю, какой скандал теперь меня ожидает дома, – с тоской заключил Грек.

Федор посмотрел на погрустневшего приятеля капитана.

– Она решила, что у нас тут гулянка. Давай спрашивать, что за женщина сняла трубку. Приревновала видать, – вздохнул Грек.

– Ничего. Ревность только усиливает чувства, – решила Людмила Калугина поддержать приунывшего Грека.

Когда телефон зазвенел опять, Грек вскочил с кресла, бросился к столу, на котором стоял аппарат. Он уже хотел поднять трубку, но Федор Туманов резко схватил его за руку.

– Это Анютка, – сказал Грек довольно сердито. Вмешивается майор, а зря. Может, у него сейчас семейная жизнь рушится.

– А вот мы сейчас проверим, Анютка это или кто-то другой, – сказал Туманов и подал трубку Людмиле Калугиной.

– На ее вопросительное восклицание по поводу того, кто звонит, из трубки слышалось недолгое молчание, показавшееся операм, да и самой Людмиле Калугиной невыносимо томительным. Потом послышались частые гудки.

Федор достал из кармана пачку сигарет. И как Грек, не спросив разрешения у Калугиной, закурил. Хотелось как-то унять невроз. Впрочем, сама Людмила была в таком состоянии, что на эту бесцеремонность майора даже не обратила внимания. Закурила тоже.

– Это он. Это тот человек. Я чувствую. Он стоял. Он дышал в трубку. Я слышала его дыхание, – воскликнула она, не в силах сдерживать себя.

Федор посмотрел на погрузневшего Грека. Ну и компания у них подобралась. Один, сидит, приуныл, чуть не хнычет. Другая наоборот, орать готова во всю глотку. Как бы с ними перебор не вышел.

– Успокойтесь, – как можно спокойней сказал он Калугиной. – Пока все идет нормально. Вы не переживайте. Нас с Греком двое. И у каждого по пистолету. На улице дежурит еще один наш сотрудник. В случае чего он придет нам на помощь. Только успокойтесь, – сказал Федор и толкнул молчавшего Грека. – Кстати, тебя это тоже касается, капитан.

– Да я чего. Я спокоен, – ответил Грек. – Я о другом сейчас. А что если мы с тобой вот тут сидим, а он возьмет и не придет.

Федор отрицательно покачал головой.

– Нет, Грек. Он обязательно придет. Но даже, если не придет, – весело взглянул Туманов на Людмилу Калугину, – провести ночь в квартире такой женщины, это ли не удовольствие.

– Шутите, – мрачно заметила на шутку майора сама Людмила.

Грек вздохнул.

– Да. Будет мне завтра удовольствие, когда домой заявлюсь, – угрюмо сказал он, мучаясь догадками, кому из них достанется диван в комнате, а кому придется всю ночь куковать в тесной ванне. Майор сказал, что кому-то из них надо находиться рядом с дверью, и когда тот человек войдет в комнату, отрезать ему отступление назад.

Грек уже был готов смириться с мыслью, что отрезать путь к возможному отступлению непрошеному гостю придется не кому-то, а именно ему. А майор, как белый человек, расположится на диванчике, рядом со спальней длинноногой жопастой Людочки.

Но Туманов распорядился иначе.

– Я буду в ванной, – сказал он Греку. – А ты можешь занять диван в большой комнате. Только смотри, не проспи.

– Николаич, да ты что? Чтобы я проспал, – принялся Грек заверять Туманова. Но уже через часа два с небольшим из комнаты, где расположился Грек, послышался такой богатырский храп, что Федор откровенно забеспокоился, не слышно ли его с лестничной площадки.

Выйдя из темной ванны в коридор, Туманов негромко произнес:

– Грек.

Усатый капитан заворочался на диване и сонно отозвался из темноты:

– Я не сплю, Николаич. – Он крепился полчаса или чуть больше, а потом храп повторился и уже с такой силой, что майор не выдержал.

– Вот, паразит, – тихо произнес Федор, чувствуя, что и у него веки начинают слипаться. Ночь, есть ночь. К тому же день был суматошный. И в чем-то сейчас он даже завидовал Греку. Наверняка, усач наплюнул на предупреждение майора и развалился на диване, а высокому Федору даже сидеть было тесно в маленькой ванной комнате.

Майор сел на стоящую у стены стиральную машинку и едва мог вытянуть в таком положении затекавшие ноги. Но лучше уж он тут будет, чем Грек. Уж этот бы нашел способ поудобней разместиться и в ванне, и обязательно бы задрях. Не смог бы устоять перед сном.

А Федор терпел. Сейчас бы закурить, хотя бы несколько затяжек, точняк бы стало легче. А так, чтобы устоять перед соблазном и не уснуть, майор время от времени открывал кран и холодной водой умывал лицо. На какое-то время это помогало. Сон уходил. Но потом все повторялось. Неимоверно отяжелевшие веки сами собой закрывались и чтобы не дать себе уснуть, рука опять тянулась к крану.

Примерно в половине четвертого ночи Федор услышал как из замочной скважины вдруг сам собой выпал ключ. На ночь, Людмила всегда оставляла его в замке. Оставила и на этот раз, но ключ почему-то не удержался и упал на пол в прихожей.

В двери был еще один замок. Но он был так по дурацки устроен, что изнутри квартиры на него невозможно запереться. Да и со слов Людмилы, ее муж слишком легкомысленно

относился к запорам. Жили они в этой квартире сравнительно недавно, и из-за вечной занятости супруг даже не удосужился установить на дверь обыкновенную цепочку. Сначала ему, видите ли, на это не хватало времени, а потом он просто решил, что и так сойдет.

Федор вздрогнул, и дремота ушла, как и не бывало ее. Прислушался.

В комнате Грек издавал звуки похожие на тракторное рокотание. А тут в прихожей, кто-то ковырялся отмычкой в замке. Причем, делал это настолько профессионально, что не прошло каких-то трех, четырех минут, как Федор услышал негромкий щелчок замка. По нему не трудно было догадаться, что на один оборот замок уже отперт. Осталось еще два. Но надо полагать, что и они для человека стоящего по ту сторону двери, не проблема. На каждый из них уйдет еще по минуте времени, максимум по две. Потом дверь откроется.

Грек. Этот противный усач храпит, как заведенный. И тот, кто собирается войти, наверняка его услышит. Но застать тут у Людмилы Калугиной мужчину он наверняка не рассчитывает. Он твердо уверен, что Людмила в квартире одна. Стало быть, услышав богатырский храп Грека, он, скорее всего, уйдет. И тогда все эти усилия по задержанию, окажутся напрасными.

Федор почувствовал такую злость на усатого капитана, что просто не знал, как ее сдерживать. Наорать на усача, этого мало. Съездить бы ему по усатой мордашке разок, другой, чтобы впредь был осмотрительней.

Федор пошарил в темноте по навесной полке, отыскивая, хоть что-то подходящее, чем бы можно было кинуть в открытую дверь комнаты, где как беззаботное дитя, развалившись на диване, храпел Грек и видел предутренние сны. Под руку майору попался тюбик с зубной пастой и мыльница с мылом. Еще – резиновая спринцовка, атрибут женской гигиены. И Федор с прискорбием осознал, что все это не годится для полета в комнату. Тут надо было иметь под рукой что-то поувесистей, потяжелей.

Особенно раздумывать, не было времени. Стянув с ноги ботинок сорок пятого размера, майор чуть приоткрыл дверь ванной, на глазок прицеливаясь в дверной проем комнаты, где храпел Грек, и, размахнувшись, запустил туда свой ботинок.

Если бы он попал в спящего Сан Саныча, тому бы явно не поздоровилось. Но ботинок, как пушечное ядро ударил в стену, рикошетом отскочил и грохнулся рядом с диваном.

Грек вскочил.

– А? – издал он звук, который для самого Туманова так и остался непонятным, что именно этим хотел выразить усатый соня. Видно у него все-таки хватило ума прислушаться, потому что в следующую минуту в тишине квартиры послышался взволнованный шепот капитана:

– Николаич, я слышу.

– Хотя бы храпеть перестал и за то спасибо, – тихонько сказал себе майор, вслушиваясь в едва слышное скрежетание отмычек в замке, с последующими щелчками.

Вот и второй щелчок. Замок открылся еще на один оборот. Тот, кто ковырялся с замком, оказался просто молодцом. Bravo. Он действует намного быстрее, чем того ожидал Федор. Теперь остается только немного подождать, пока он откроет, и третий оборот и войдет в прихожую. И Туманову выдавать свое присутствие нельзя. Сначала надо будет узнать, один ли тот человек, или с ним есть еще кто-то. И обязательно дожидаться, пока он или они закроют дверь. Она обязательно должна быть закрытой, чтобы не оставить шансов на отступление. Для этого надо подождать, пока он или они пройдут по коридору по направлению к комнате и тогда уже можно покидать свое неудобное убежище.

Хозяйка квартиры получила жесткую инструкцию от майора ни в коем случае не выходить из своей комнаты. Чтобы не случилось. Если дело дойдет до стрельбы, в такой темноте легко словить пулю. А мишенью для нее, может оказаться именно она. На всякий слу-

чай Федор велел Людмиле Калугиной положить матрас на пол рядом с кроватью и эту ночь провести в таком неудобстве.

– Можно и потерпеть ночь, зато останетесь живой, – сказал ей Туманов.

Стоя возле чуть приоткрытой двери ванной комнаты, майор чутко вслушивался в каждый звук, раздававшийся в ночной тишине. Удивительно, но в этот критический момент, слух у него обострился настолько, что он отчетливо слышал взволнованное дыхание Грека, крадущиеся шаги Людмилы Калугиной. В отличие от Сан Саныча Грека, она, как и Туманов за ночь не сомкнула глаз. А удар майорского ботинка в стену и вовсе напугал ее. Федор был уверен, что сейчас она стояла у двери своей комнаты и, как и он вслушивалась во все происходящее.

Вряд ли она слышала тихое скрежетание отмычек в замке. А вот Федор Туманов слышал. Он услышал, как третий раз щелкнул замок.

Все, был сделан последний оборот. Теперь дверь открыта, и можно входить, но тот, кто классно поработал с замком, как видно не торопился.

Федор и это предполагал. Надо всего лишь чуть приоткрыть дверь. Тихо и осторожно. И прислушаться. Как зверь принохивается к добыче, прежде, чем напасть, так и тот человек, прислонив ухо к щели, сначала прислушался.

Как хорошо, что Грек проснулся и уже не храпит. Наверняка, бы этот взломщик услышал его храп. А теперь он только слышит тюканье часов в коридоре.

Тот, кто ковырял в замке отмычками, оказался далеко не дурак. Хотя другого ожидать и не следовало. Он выбрал такое время ночи, когда сон особенно одолевает спящего. Ведь давно известно, что крепче всего спится под утро. А еще взломщик вывернул лампочку на площадке, чтобы никто из соседних дверей не дай Бог, не увидел его, как он ковыряется с замком в двери.

Что ж, все правильно. Все верно. Федор бы и сам поступил точно также, будь он на месте того человека. Но он на месте сыщика, а значит, должен, во что бы то ни стало, задержать того умельца. Как всегда в такой ответственный момент майор внутренне подготовил себя к встрече с тем человеком. Эмоции, чувства, все отошло куда-то на задний план. Нельзя бояться и сомневаться. Наверняка, тот, кто зайдет сюда, вооружен. Поэтому не стоит забывать про осторожность. Она не помешает. А как действовать в условиях плохой видимости, Федор знает. А вот чего не знает тот человек, так этого того, что тут в квартире Людмилы Калугиной его ждет засада, поэтому расчет оперов на внезапность.

Федор услышал, как тихо открылась в прихожей входная дверь и ворвавшийся в коридор с лестничной площадки поток воздуха, донес до майора совсем другой запах, чем тот, который был в тесной и душной ванной комнате. Тут пованивало не стиранным бельем, видно у хозяйки не доходили руки до него, и еще чем-то малоприятным. Федор за всю ночь просживания тут, так и не понял, чем.

Майор услышал шаги, крадущиеся, осторожные. По ним не трудно было определить, что вошел всего лишь один человек. Остановившись в прихожей, он тихо прикрыл за собой дверь. Потом медленно двинулся по коридору.

Один шаг. Другой. Третий.

Нет, он явно был уверен, что Людмила Калугина находится в квартире одна. Четко ориентируясь в темноте, он уже было направился к двери спальни.

В щель чуть приоткрытой двери Федор увидел его тень. Показалось странным, ведь в темном коридоре не было света. Откуда у вошедшего человека могла взяться тень. Раздумывать об этом майор не стал, чтобы не отвлекаться.

Теперь главное, только не торопиться, чтобы не наделать глупостей. Пусть он пройдет мимо двери ванной всего лишь на пару шагов, а потом Федор несильно ударит сзади

его пистолетом по затылку. Вот будет он удивлен, когда, открыв глаза, увидит, что руки его застегнуты в «браслеты».

Туманов уже приготовился к замаху, чуть согнул правую руку в локте и стал медленно поднимать ее, как вдруг в комнате, где находился Грек, послышался грохот падающей об пол мебели.

Человек в коридоре на миг замер. Он был достаточно умен, чтобы сообразить, что произошло, поэтому, не дожидаясь дальнейших событий, вскинул в дверной проем комнаты руку, и тут же Федор услышал негромкий хлопок. Понял, что это был выстрел пистолета с глушителем. Испугался за Сан Саныча Грека. Как бы в темноте усатый капитан не подставился под пулю.

Резко выпрыгнув из ванной, Федор вцепился левой рукой в руку стрелявшего, в которой тот держал пистолет.

– Стоять, милиция! – закричал Туманов, пытаясь направить дуло своего пистолета на вошедшего. Но крик майора не остановил его. Скорее наоборот, подхлестнул к защите. И он тоже своей левой рукой ухватил Федора за руку, отводя дуло табельного пистолета в сторону. При этом сам успел пару раз нажать на курок, и две пули, выпущенные им, ударили в потолок комнаты.

Грек присел, прячась за опрокинутое в темноте кресло. Сан Саныч решил передислоцироваться поближе к дверному проему, но немного не подрассчитал, а точнее забыл про стоящее у стены кресло и натолкнувшись на него, повалил на пол. Зато теперь мог укрыться за ним. Видел в коридоре барахтающийся клубок из двух тел, но в темноте не мог понять, кто из них где. Вытянул руку с пистолетом, но стрелять опасался, чтобы по случайности не попасть в майора.

– Федор! – закричал он. Но Туманов не ответил. Ни он, ни схватившийся с ним в поединке человек, не произносили ни слова. Только тяжело дышали, прикладывая всю свою силушку, чтобы победить. И Грек не стрелял. Он хотел броситься майору на помощь, но раздавшиеся два хлопка, заставили его еще плотнее прижаться к валявшемуся у стены креслу.

Пара пуль пролетели буквально над самой головой усатого капитана и ударили в потолок.

– Ну, зараза, – проворчал Грек, злясь на стрелявшего. Но еще больше злился на себя, потому что сейчас не мог помочь майору. Дверной проем хорошо простреливался, и тот, кто вошел в квартиру, не давал Греку высунуться.

Федор чувствовал, что его противник оказался далеко не слабым человеком. По крайней мере, расставаться со своим пистолетом он просто так не собирался, изо всех сил пытаясь направить трубу глушителя майору в голову. И левая рука у него была не слабая. Схватил правую руку майора, как клещами.

Не известно, чем бы все это закончилось для самого Туманова, если бы он не ударил лбом своего противника в переносицу. Удар был такой силы, что тот не устоял на ногах, взмахнув руками, выронил свой пистолет и отлетел в коридор по направлению кухни.

– Грек, сюда, – крикнул Федор. – Он наш.

– Сейчас, – отозвался Грек, спеша подняться с пола из-за кресла.

Федор чувствовал адскую усталость во всем теле. Все пошло немного не так, как задумывалось. Хотя всего сразу просчитать невозможно. Уж сколько раз так бывало, что в самый последний момент, что-нибудь обязательно да случится. Вот как сейчас. Но обиды у Туманова на Грека не было. Просто не до того сейчас. Нужна помощь, потому он и позвал его.

Но поверженный противник все-таки оказался ловкачом. Не успел Грек выйти из комнаты, как тот человек вскочил с пола. О том, чтобы попытаться выйти из квартиры через дверь, он как видно не помышлял, и сдаваться ментам не собирался. Резко развернувшись,

он бросился в кухню, на бегу подхватил стоящий там, у стола табурет, и им с размаху ударил по окну, навывлет высадив оба стекла.

Даже предупредительный выстрел майора не остановил его. Легко запрыгнув на подоконник, он высунулся в раму, и, не дожидаясь пока сыщики подбегут и уцепятся в него, спрыгнул.

Но супермен из него получился никудышный, если не сказать больше. Он из него вообще не получился.

Стоящая внизу под окнами иномарка, нарушила предутреннюю тишину залиvistым воем сигнализации.

Подбежав к окну, сыщики выглянули вниз. Человек, только что выпрыгнувший из окна, какой-то метр с небольшим не долетел до цветочной клумбы, где и земля помягче и нет на ней никаких посторонних предметов. Хотя он явно рассчитывал именно на эту часть земли. Но видно ему помешали вешала, выпиравшие за ограждение балкона на втором этаже с сушившимся на них бельем. Наверное, он зацепился за них, о чем можно было судить по оборванной веревке, на которой болталось белье. Кое-что из предназначенного для сушки, теперь валялось на земле. Сам же выпрыгнувший, неудачно ударился головой о крышу иномарки, оставив на ней большую вмятину. Он лежал на асфальте, в узком пространстве, между иномаркой и стареньким «Москвичом», скорее всего стоящем тут на приколе уже не первый год.

Увидев, что человек не подает признаков жизни, Грек деловито заметил:

– Кажись, готов гад.

На пороге кухни появилась Людмила Калугина. Посмотрела на сыщиков затравленным волчонком.

– Где тот человек? Он что, выпрыгнул в окошко? – Она глянула на окно без стекол. Плечи ее нервно дернулись.

Федор обернулся. Присутствие женщины сейчас здесь было крайне не желательно.

– Вот что, идите в свою комнату и пока не выходите оттуда. Понимаете меня? – спросил майор.

Девушка кивнула.

– Да. Понимаю. Скажите, а он тот самый человек и есть? – она хотела подойти к окну.

– Тот человек лежит там, внизу, – объяснил Туманов. – И вам лучше не смотреть, – сказал он, заметив, что Калугина изъявляет желание выглянуть в окно.

– Идите, идите отсюда, – вывел Грек женщину из кухни.

Оперативники напугали дремавшую на стуле лифтершу. Услышав шум на лестнице, она вскочила, продирая глаза, увидела выбегавших Туманова и Грека.

– А вы откуда тут взялись? – удивленно раскрыла она рот, понимая по их торопливости, что случилось нечто такое, пропустить чего она никак не должна. Поэтому из подъезда она выскочила следом за сыщиками.

Ваняшин был уже на месте, когда Туманов с Греком прибежали.

– Он еще жив. Я вызвал «скорую помощь», – доложил старший лейтенант Федору Туманову и, увидев выбежавшую из подъезда лифтершу, сказал, кивнув на нее: – А вот и первый свидетель происшествия.

– Вот она-то как раз нам и нужна, – сказал Федор, заметив, что лифтерша вдруг остановилась как вкопанная, крикнул ей: – Подойдите к нам!

Лифтерша не двинулась с места. Только спросила дрогнувшим от волнения голосом:

– Зачем?

– Идите, я говорю. И не дожидайтесь, чтобы вас силком привели и в наручниках, – пригрозил майор, не желая тратить попусту время с несговорчивой теткой. Его угроза подействовала.

Лифтерша подошла, испуганно поглядывая на лежащего, на земле мужчину лет тридцати с пробитой головой.

– Батюшки. Что с ним?

– Снег башка пробил, – пошутил Грек, вспомнив знаменитую фразу из кинофильма «Джентльмены удачи».

– Какой снег? Сейчас ведь лето, – лифтерша не поняла шутки, подняла голову, уставившись в мутное предутреннее небо, затянутое тучами.

Грек безнадежно махнул рукой.

– Ладно. Проехали, тетя, – сказал он.

Федор Туманов, внимательно глядя лифтерше в глаза, жестко произнес:

– А ну, смотрите сюда, – указал он пальцем на лежащего. – Вы знаете, этого человека? Отвечайте! Да или нет? Только советую, не врать. Ибо враньем вы только навредите себе. Слыхали про такую статью, как дача заведомо ложных показаний?

– Слыхала, – тихо произнесла лифтерша, готовая вот-вот пустить слезу, чтобы разжалобить майора. Но Федор Туманов был строг с ней. Не обращая внимания на ее плаксивую физиономию, сказал:

– Тогда отвечайте нам честно.

– Я его не знаю, – сказала лифтерша и, поймав на себе пристальный взгляд майора Туманова, добавила: – Я вам правду говорю. Поверьте мне. Он комнату снимает в сто седьмой квартире. Там женщина живет. Одинокая. Ну вот он и закрутил любовь с ней.

Федор обернулся к стоящему рядом Греку.

– Смекаешь, Грек? Он снял комнату в сто седьмой квартире, – повторил Туманов за лифтершей, потом уже добавил от себя: – А сто восьмая, рядом.

Усатый капитан захлопал глазами.

– Погоди, Николаич. Так это что же получается? Он... – Грек не договорил.

– Вот именно, – кивнул Туманов и сказал: – Перед нами убийца Калугина, – и повернувшись к лифтерше, спросил: – Точнее можете сказать, когда этот ловелас поселился тут?

Точно лифтерша вспомнить не смогла.

– Да уж недели две, как живет.

– А Калугина убили четыре дня назад, – сказал Ваняшин, глянув Туманову на ноги и заметив, что майор стоит в одном ботинке.

– Скажите, почему вы нам не сказали про этого человека, когда мы вас опрашивали по поводу посторонних в подъезде? – нахмурившись, спросил Федор у лифтерши.

Та всхлипнула, прежде чем ответить.

– Он попросил никому не говорить, – кивнула она на лежащего мужчину. – Сказал, боится, что до жены дойдет слух про его амурные дела. Шоколадку дал мне.

– Шоколадку? – покачал Федор головой.

– Да, – кивнула лифтерша. – Он ведь неплохой человек. Идет мимо, остановится, узнает как дела, – пустилась она защищать раненого, но, натолкнувшись на строгий взгляд майора, замолчала.

– Вчера вечером, когда проходил мимо вас, ведь наверняка спрашивал, не приходила ли в подъезд милиция? – сказал Туманов.

Женщина вскинула голову, с неохотой кивнув.

– А вы как узнали?

– Догадался, – ответил Федор. А Грек только сейчас понял, почему майор придумал тот бардачок с урной. Догадывался хитрющий Туманов про лифтершу, подозревал ее. И не ошибся. Подозрения его оправдались.

– Николаич, а чего это ты в одном ботинке? – Ваняшин долго пялился на ноги Федору Туманову. Довольно странно было видеть майора в одном ботинке.

– А, – Туманов махнул рукой, давая понять, что сейчас не стоит на этом заикливаться. А усатый капитан Грек ехидно хихикнул.

– С некоторых пор наш майор решил использовать свою обувь, как метательное средство – с усмешкой проговорил Грек.

Ваняшин шутку приятеля капитана принял. Улыбнулся.

– Ну и как успехи по метанию? – спросил он.

Усатый Грек поднял толстый палец правой руки вверх.

– Во. Можно сказать, что испытания прошли удачно. Майорский башмак поразил цель, попал в стенку. Хорошо, что мне по голове не попал. Хотя видно метавшему этого очень хотелось, – Грек покосился на майора.

– Жаль, что не попал, – сказал ему Федор.

Подъехавший врач «скорой помощи» осмотрев раненого, заявил, что его немедленно следует отвезти в больницу. Федор не возражал, но потребовал, чтобы с ним поехал один из оперов.

– Грек, – обратился Федор к усатому капитану, – садись с ними в машину и езжай в больницу. Глаз не спускай с этого прыгуна. Понял? – предупредительно спросил майор.

– Ну а то. Все я понял, Николаич. Один только у меня вопросик.

– Валяй, – разрешил Туманов.

– Сколько мне возле него торчать там? – спросил Грек, не изъявляя большого желания ехать в больницу. Но и отказаться нельзя. Ведь не просто так майор его туда посылает, а с важным заданием.

Федор посмотрел на часы. Было, уже почти пять.

– До утра подежуришь, а там тебя кто-нибудь сменит. Я попрошу Василькова, чтобы прислал кого-то тебе на смену, – пообещал майор, внимательно наблюдая за тем, как врач с водителем укладывают раненого на носилки. – Да и вот что, – предупредил Туманов: – Никого из посторонних к нему не пускай. И вообще, Саня, посматривай там. Он нам нужен живой, – кивнул он на раненого, которого уже запихали в нутро машины «скорой помощи».

– Нужно ехать, – торопил врач. – Если вы поедите, – обратился он к Греку, – то садитесь быстрее в машину.

– Ну давай, поезжай, – сказал Федор усачу и тот запрыгнул в раскрытую дверь «скорой», присаживаясь рядом с лежащим раненым.

– Эх, где наша не пропадала. Ну, пока, ребяташки, – Грек помахал Туманову с Ваняшиным рукой.

Проводив отъезжавшую машину «скорой помощи», Ваняшин спросил у Туманова:

– Николаич, ну а мы куда?

– Я думаю, не смотря на позднее время суток, нам стоит навестить одинокую хозяйку сто седьмой квартиры и подробней расспросить ее о сожителе, – предложил Туманов. – Вот только сначала я ботинок одену. А то в этой суматохе было не до него, – сказал майор, и они с Ваняшиным потопали к подъезду.

Поднявшись на третий этаж, майор позвонил в дверь квартиры Людмилы Калугиной. Когда они с Греком в спешке выбежали, Туманов ей велел запереться на ключ и никому кроме них не открывать. Теперь же, прежде чем открыть, женщина долго разглядывала их в глазок.

Лампочки в патроне на площадке не было и Туманову пришлось свое лицо осветить зажигалкой. Получилось, что-то навряде детской страшилки, но, тем не менее, Калугина смогла рассмотреть лицо майора.

Войдя в квартиру, Федор первым делом прошел в комнату и отыскал там за диваном свой ботинок. Одел его на ногу. Чтобы хоть как-то успокоить перепуганную женщину, сказал:

– Все будет хорошо. Когда мы тут все закончим, заберем вас с собой. А пока вы тут ничего не трогайте. Ладно?

– Ладно, – согласилась женщина. Причем, произнесла это с такой отрешенностью, что Туманов не сомневался, сейчас она в таком состоянии, что ей не до чего. Заметив, что сыщики опять уходят, она забеспокоилась:

– А вы куда? И как же я? Вы оставляете меня одну?

– Закройте за нами дверь. А мы на пару минут зайдем к вашей соседке в сто седьмую квартиру, – сказал майор и торопливо вышел из квартиры.

Наверное, хозяйка сто седьмой квартиры обладала спокойствием толстокожего слона, потому что сыщики не понимали, как можно спать, когда в соседней квартире, буквально через стенку происходил такой шум да еще со стрельбой. Вряд ли она слышала выстрелы своего любовника из револьвера с глушителем, но выстрел из майорского «ПМ» должна была услышать.

Федор не убирал палец с кнопки звонка, давая этим понять, что уходить просто так сыщики не намерены и во что бы то ни стало, добьются, чтобы им открыли дверь. На всякий случай в правой руке майор держал наготове пистолет. Кто даст гарантию, что тот резвый мужичок был один. Вдруг там, в сто седьмой квартире, спрячется кто-то еще.

Ваняшин тоже достал из кобуры свой пистолет.

Увидев у них в руках оружие, прибежавшая на шум лифтерша, испуганно ахнула, перекрестясь и ее тут же, как ветром сдуло.

– Советую открыть дверь, – громко произнес Федор, стуча кулаком по двери. – Или мы сейчас ее выбьем.

Видно его обещание подействовало устрашающе. Потому что дверь тут же открылась.

Перед сыщиками стояла женщина лет тридцати пяти в длинном цветастом шелковом халате. Федор вспомнил, что совсем недавно точно такой халат видел в переходе на «Пушкинской». Вьетнамцы продавали. Хотел купить такой вот халат Даше, но в последний момент раздумал, решив, что наши отечественные намного лучше, чем их привозные. А эта видать не раздумала, купила, чтобы покрасоваться перед своим любовником.

Внимательно взглядевшись в лицо женщины, Туманов с уверенностью отметил про себя, что она уже давно не спит. И лицо у нее не заспанное. Наверняка, она и шум в соседней квартире слышала, и стрельбу из табельного «ПМ», и даже не упустила возможности подглядеть в окно, когда ее любовника грузили на «скорую».

– Вы знаете, который сейчас час? – нахраписто спросила она. – Или вы считаете, раз милиция, то имеете право врывать в квартиру ночью?

На оперов она смотрела нагло. И в ее глазах отчетливо читалось желание, взять каждого из них за шкирку и немедленно выкинуть отсюда вон.

– В исключительных случаях, имеем, – ответил на ее вопрос майор Туманов и добавил: – А сейчас, как раз произошел именно такой случай. Более того, мадам, я бы не советовал вам вести себя так агрессивно по отношению к нам.

– Это почему же? – произнесла она, нарочно напустив на лицо побольше удивления, давая понять, что прозвучавшее, для нее не что иное, как открытие высказанное из уст мента.

– А потому, что вы подозреваетесь в пособничестве совершения преступления.

– Вы что, это серьезно? – женщина округлила от удивления глаза.

– Серьезней, не бывает, – заверил ее Ваняшин, попросив предъявить документ, удостоверяющий ее личность.

Она достала паспорт. Пока Ваняшин рассматривал его, Туманов осмотрел квартиру, проверив даже шкаф для одежды. Вдруг там кто-нибудь спрячется.

– Да вы что? – изумилась женщина. – Кто может у меня прятаться?

– Ну одного человека вы, положим, у себя прятали, – сказал Туманов и выйдя на балкон, осмотрел его внимательно, обнаружив там кроме всякого барахла, пластмассовый ящик для посуды.

Балкон гражданки Чистовой Татьяны Ивановны проживающей в сто седьмой квартире, вплотную примыкал к балкону Калугиных. Их всего лишь разделяло решетчатое металлическое ограждение, перелезть через которое было нельзя, но между прутьев решетки можно было свободно просунуть руку.

Федор взял пластмассовый ящик, стоящий в другом конце балкона, поднес его и, подставив к решетке, встал на него. Потом достал из кобуры свой пистолет и, взяв его, просунул руку между прутьев как раз на уровне открытой форточки окна Калугиных.

Если бы тот, кто стрелял в Калугина оказался маленького роста, несомненно дотянуться до форточки с чужого балкона ему было бы не просто. Но он был высокого роста. И руки у него были длинные.

Тот человек, который только что проник в квартиру к Людмиле Калугиной, а потом сиганул в окно, спасаясь от ментов, как раз подходил под эти стандарты, и Федор уже нисколько не сомневался, что Валерия Калугина убил именно он. Для того чтобы убедить в этом и Ваняшина, Туманов вытащил из пистолета обойму, показав, как бы он на месте преступника выстрелил отсюда в программиста, находящегося в комнате, а потом бросил пистолет в открытую форточку.

– Смекаешь, Ваняшин, как все просто? Отсюда он выстрелил, потом спокойненько свинтил с револьвера глушитель и забросил револьвер в форточку, – поделился Федор Туманов своей догадкой с Ваняшиным.

Ваняшин кивнул.

– Еще бы, – сказал он майору и, глянув на Чистову, добавил: – Вы ведь в то утро ушли на работу? Лифтерша сказала нам, что видела, как вы уходили. А любовник ваш остался дома, и, воспользовавшись вашим отсутствием, совершил преступление.

– Да какой он мне любовник. Так перепихнулись раза три. Он сказал, что в Москву приехал недавно и жить ему негде. Ну я и пожалела, пустила переночевать.

– На пару недель? – спросил Туманов.

Чистова резко обернулась к майору.

– А что мне жалко? Сына я отправила на лето к матери в деревню. И если он поживет неделю, другую, меня не стеснит.

– Ну конечно, – кивнул Ваняшин, подумав, что этой одинокой сучке захотелось хорошего кобеля. И вот чем все это обернулось.

– Он мне заплатил триста баксов, – словно догадавшись, о чем подумал молодой лейтенант, с некоторой обидой в голосе произнесла Чистова.

– Не слишком много за такие комфортные условия, – сказал Туманов.

Женщина отвернулась.

– С меня хватит.

С минуту Ваняшин стоял, призадумавшись, а потом вдруг спросил:

– Николаич, а как же в таком случаи на револьвере появились отпечатки Калугина, ведь...

– Не спеши, Ваняшин, – сказал Федор, не дав старшему лейтенанту договорить. Более того, он покачал головой, тем самым, давая понять, что не стоит лейтенанту при Чистовой раскрывать свой рот.

– А вас, гражданка Чистова, я попрошу рассказать нам подробнее, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с человеком, которого пустили к себе в квартиру? Кстати, не забудьте про его имя и фамилию, – напомнил майор.

На лице женщины появилась грустная улыбка.

– Фамилию его я не знаю. А имя?... Мне он представился Игорем.

Глава 6

Татьяне показалось, что лицо этого человека она уже где-то видела. Особенно память напрягать не пришлось. Вспомнила, что буквально пару дней назад видела его выходящим из их подъезда. Тогда он еще остановился и, подняв голову, смотрел на окна третьего этажа. Она подумала, что смотрит он на окна ее квартиры или квартиры ее соседки из восьмой квартиры. А вообще, ей было без разницы, куда устоялся этот мужик. И какое ей дело до чужих мужиков, если нет своего. С мужем она развелась почти десять лет назад. За эти десять лет встречалась со многими, но так ничего серьезного ни с кем из них и не получилось. Всех их Татьяна считала козлами, которым только и нужно, чтобы переспать с женщиной, а наутро навсегда забыть о ее существовании. Так хорошо. Удобно. Ни каких тебе проблем и обязательств. Так когда-то рассуждал и ее муж и смылся, оставив ее с ребенком на руках. И больше не возвращался. И за все за это Татьяна не то, чтобы возненавидела мужиков, но стала относиться к ним с откровенной неприязнью.

Но естество свое брало. И какими бы они не были коварными, но они созданы, чтобы доставлять женщине удовольствие. Как раз этого Татьяне и не хватало, и потому на мужиков она смотрела злыми и одновременно голодными глазами, как львица, которую в период брачного сезона заперли в клетку рядом с самцом, страстно желавшим ее.

Частенько ей снились сны, в которых она занималась любовью с каким-нибудь из приглянувшихся ей мужчин. А этой ночью приснился он. Она проснулась оттого, что почувствовала между ног влагу. Оказывается можно кончать и без мужика, когда тебе сильно хочется. Но почему приснился он? Ведь и видела-то его всего ничего, раз возле подъезда.

Она очень удивилась, когда вдруг увидела его в ресторане, где работала официанткой. Он пришел и сел за один из тех столиков, которые как раз обслуживала Татьяна, и она, сама не зная почему, увидев опять его, почувствовала непонятную дрожь. Подумала, что это душа ее задрожала. Сама не знала, возможно, ли такое. Может и возможно, когда человек тебе очень нравится.

– Что желаете заказать? – вежливо спросила она с дежурной улыбкой на лице, подойдя к столику, за которым он сидел.

Он заказал ужин, который был у них в меню, и сто пятьдесят грамм коньяку.

– Я чертовски голоден. В Москве у вас недавно. Питаться приходится, не пойми как, – произнес он как бы с сожалением. А Татьяна слушая его, пыталась определить, сколько ему лет. В принципе, вот так по внешнему виду, ее все устраивало в нем. Хотя до совместной жизни дело у них вряд ли бы дошло. Ведь он же сказал, что приезжий. А приезжие, народ такой, покурлесить с московскими барышнями и к своим благоверным, и потом долго будут вспоминать, что с ними было в командировке.

– Нет, я не в командировку сюда приехал. Хочу тут квартиру купить. Вы не могли бы мне что-то посоветовать, а то я уже все ноги оббил. Столько домов обошел по объявлениям.

Татьяна опять вспомнила об их встрече возле дома. Не исключено, что и в их подъезд он забрел по объявлению.

– Может быть, вы можете мне хотя бы на время снять частную. Я щедро заплачу. Деньги у меня есть, – без бахвальства проговорил он.

Татьяна призадумалась. Сын все лето будет у матери в деревне. А у нее двухкомнатная квартира с отдельными комнатами. Могла бы предложить ему и свою.

– Вообще-то, есть один вариант. Только не знаю, устроит ли он вас, – многообещающе сказала Татьяна, заметив, каким страстным взглядом он осматривает ее с головы до ног.

На сказанное Татьяной, мужчина отреагировал полной готовностью, принять ее вариант. Даже не пожелал вдаваться в подробности по поводу каких-либо неудобств.

– Устроит. Я думаю, такая эффектная женщина как вы, не может предложить плохих вариантов. Поэтому, я согласен.

Татьяна почувствовала легкое головокружение. Эффектной женщиной ее давно никто не называл. А точнее, вообще, не называл никогда. Что приходится слышать от местного мужичья: грубость и хамство. А тут совершенно другое. Вот что значит приезжий человек, не пропитавшийся еще столичной гнилостью.

Татьяна улыбнулась ему уже совсем по-другому, как гостеприимная хозяйка, встретившая любимого в своем доме.

– Погодите. Вы же даже не узнали подробностей. Короче, есть двухкомнатная квартира на третьем этаже со всеми удобствами. В ней живу я. Если вам действительно негде ночевать, могу пустить вас на время в одну из комнат.

– Это приглашение? – с улыбкой спросил он.

Татьяна нахмурилась. Не хватало, чтобы он загордился, посчитав, что она навязывается и бросается ему на шею.

– Чего? – протянула она, нахмурившись, и уже отвернулась, чтобы отойти от стола, но он ухватил ее за руку, задержал.

– Простите меня, – попросил он прощения. – Я, правда, не хотел вас обидеть. Примите это за неудачную шутку.

– Неудачных шуток я не люблю, – сказала Татьяна несколько грубовато, тем самым, решив сразу дать понять, что он не гость ее, а квартирант. И за частную ему придется отстегивать ей мани-мани. Если не согласен, то пусть катится куда хочет.

– Я согласен, – сказал он, расплатившись за ужин и набросив сверху щедрые чаевые.

После закрытия ресторана, домой они приехали на такси. Расплачивался он. Татьяне представился – Игорем. Хотя для Татьяны имя не имело значения. Сейчас ее заботило другое: в какой из комнат поселить своего квартиранта.

– Если вы не против, я бы занял вот эту, – указал он на комнату поменьше. – Я смотрю, в ней есть балконная дверь. Это очень удобно. Иногда, когда у меня бывает бессонница, я выхожу на балкон, покурить, – объяснил он.

Татьяна не возражала. Эту, так эту. Главное, что занял не ванну с туалетом. А от бессонницы она могла бы его излечить. Сразу страдать перестанет. Хороший секс – лекарство от всех болезней. Если он сам не допер еще до этого, то Татьяна ему как-нибудь намекнет.

Ложась спать, нарочно надела такую ночную рубашку, сквозь которую было видно все то, что в женщинах нравится мужчинам. Теперь бы только этого олуха заманить к себе в комнату и в таком виде показаться ему.

Она специально ворочалась на кровати, чтобы та погромче скрипела. Слышала, он тоже не спит. Кажется, он и в самом деле страдает бессонницей, задолбал то и дело выходить на балкон.

Когда в очередной раз хлопнула балконная дверь, Татьяна не выдержала. Встала с кровати и пошла к нему в комнату.

Он стоял в одних трусах с сигаретой в руках. Увидев ее, выбросил сигарету, закрыл балконную дверь.

– Слушай ты, полуночник, – накинулась на него Татьяна. – Ты вообще, спать собираешься... – она не договорила, замолчала, увидев, какими глазами он на нее смотрит. – Я хочу... – чего она хотела, так и осталось недосказанным.

Он протянул к ней руки, коснувшись ее плеч. И Татьяна опять почувствовала дрожь. Опять как будто некое живое существо задрожало, зашевелилось в ней.

– Я лучше пойду... – проговорила она так тихо, словно боялась кого-то разбудить. Повернулась, выйти, но он взял ее за руку.

– Куда ты пойдешь? И зачем? Ведь ты же не хочешь уходить, – также тихо произнес он ей на самое ухо.

Татьяна хотела сказать, что это еще за глупости такие он тут выдумывает? Но вместо этого прошептала:

– Нет. Не хочу.

– А я знаю, чего ты хочешь, – сказал он и сбросил с ее плеч ночную рубашку.

Татьяне показалось, что она падает в бездну. Она упала на диван, почувствовав, как он наваливается сверху, широко раздвигая ей ноги. А потом...

Что было потом, все казалось счастливым сном, и ей страстно хотелось, чтобы сон этот никогда не кончался. Они долго занимались сексом, так что под конец Татьяна просто выбилась из сил, умоляя его остановиться.

Утром она чуть не проспала. В дневное время их ресторан работал, как кафе. Хозяин был самым настоящим жмотом. Лишнюю копейку боялся пропустить мимо.

На работу Татьяне надо было придти к семи утра. Открывалось кафе для посетителей в половине восьмого. Салаты, диетическая каша, одним словом завтрак на любой вкус. Для тех, кто желает похмелиться – бар с разнообразными напитками, алкогольными и без.

Она вскочила, потому что электронный будильник настойчиво оглашал комнату трелью похожей на соловьиное пение. Возможно, это было не такой уж удачной находкой производителя будильников, но зато по утрам свист соловья не так раздражал слух.

Татьяна вскочила с постели. Ее любовничек сладко посапывал. Видать заморился, как жеребчик, прыгая на ней, и теперь его трели соловья уж точно не разбудят.

Подхватив свою ночную рубашку, которую берегла для особых случаев, она уже хотела выскочить из комнаты, но остановилась, едва не наступив на сумку, стоящую возле дивана. Вроде бы ничего особенного в ней, так кое-что из тряпья: рубашка, спортивный костюм, и еще что-то. Но все это ничто в сравнение с тем, что Татьяна увидела. Ночью и на сумку и на то, что лежит в ней, не обратила внимания. Но сейчас...

Она увидела револьвер. Один и второй. Они лежали почти сверху, чуть прикрытые рубашкой. Рядом, толстая труба глушитель. Растерянная и напуганная, она какое-то время стояла, разглядывая оружие. Даже потрогала их, словно хотела убедиться в том, что револьверы настоящие, а не игрушечные. Потом тихо вышла из комнаты, решив, что, в конце концов, это ни ее дело, и вообще, зря она заглянула в сумку. Нечего было соваться. По крайней мере, на грабителя он не похож. Может быть, оружие ему нужно для самообороны. Сейчас время такое, что Татьяна бы и сама не отказалась занять хотя бы один из таких револьверов. Маленький, удобный. Его легко спрятать в ее дамскую сумочку. Зато в случае чего, можно хулиганов пугнуть, когда поздно ночью приходится возвращаться с работы.

Вечером, придя с работы, Татьяна словом не обмолвилась о том, что видела в сумке. А сам Игорь вел себя, как обычно: был обходителен с ней и ласков. Но на ночь Татьяну в своей комнате не оставил.

– Ты извини, – сказал он, видя, что Татьяна намеревается лечь с ним на диване. – Я себя как-то неважно чувствую. Если ты не против, то может быть мы отложим секс до другого раза?

Вообще-то, Татьяна была против, но вида не подала. Зачем насильно предлагать себя.

– Я не против, – сказала она, скрывая обиду. – Устала на работе. Накрутилась, – соврала она. А когда легли спать, слышала, как он то и дело вставал и выходил на балкон, даже один раз чем-то там громыхнул. Но Татьяна на этот раз уж вставать не стала.

Утром, она как обычно ушла на работу, а когда возвращалась, лифтерша, противнейшая бабенция, которая везде сует свой нос, ошарашила ее новостью.

– Вы, наверное, еще не знаете? – проговорила она со скрытой интригой в голосе.

Татьяна остановилась, хотя, если сказать честно, не испытывала ни малейшего желания трепаться с лифтершей.

– Чего? – спросила она, не слишком приветливо глянув на лифтершу и ожидая услышать от нее какую-нибудь очередную сплетню.

– Сосед ваш застрелился, – сказала лифтерша и тут же добавила тихо: – Тут в подъезде все об этом уже знают. Милиция приезжала. Опрашивали соседей. И к вам приходили.

– Я была на работе, – сказала Татьяна, почувствовав на душе тревогу и невольно вспомнив про сумку своего любовника. Не могла объяснить, почему, но мысли закрутились вокруг сумки и револьверов лежащих в ней. Этой ночью, когда Игорь вышел на балкон, Татьяна встала с постели, подошла к окну, чтобы открыть форточку. Не выносила спать в духоте. Но прежде, чем откинуть штору, глянула в окно на балкон и увидела Игоря. Он стоял и, просунув голову между прутьями ограждения, разделяющими ее балкон с соседским, подглядывал в окно к соседям Калугиным.

Тогда ее это удивило. Какой интерес, вот так тарашиться в чужое окно и что такого особенного он там увидел. Но спрашивать об этом Татьяна у него не стала. А с соседями, хоть и жила через стенку, но отношения не поддерживала.

– А я так милиционерам и сказала, что вы ушли на работу, – сказала лифтерша, словно хотела успокоить Татьяну. Она хотела еще что-то сказать, но Татьяна повернулась и пошла к лифту, сказав на ходу лифтерше:

– Извините, я очень устала.

Дома она хотела немедленно поговорить с Игорем, но, открыв дверь в его комнату, увидела, что он спит. И усомнилась, чего понапрасну нападать на человека, может он ни в чем и не виноват. Ведь лифтерша сказала, что сосед застрелился. И она решила все разговоры с любовником отложить на потом. Потом, будет время поговорить им. Но его как всегда не нашлось не на другой день, не на третий.

Лето, пора отпусков. Пахать приходилось за двоих в две смены. И получалось так, что утром она уходила на работу и возвращалась поздно ночью, едва не падая с ног от усталости.

Так было и в этот раз. Татьяна вернулась домой в два часа ночи. Заглянув в комнату к Игорю, увидела, что тот спит. Зло взяло, не таким она себе представляла квартиранта, в глубине души надеялась, может у них что-то завяжется, а теперь поняла, нет. Да и чего может завязаться, когда он дрыхнет, как сурок. На что он ей такой сдался. Хорошо, хоть за комнату вперед заплатил.

Раздевшись, она легла в постель, но заснуть не могла. Хотелось мужского внимания, ласки. Все это было через стенку, в соседней комнате, но Татьяна не решилась будить Игоря. Пусть дрыхнет, раз он такой. Да и ей надо заснуть. На работе накрутилась так, что ноги ломит от напряжения.

Она уже стала засыпать, как вдруг услышала, что Игорь встал и, судя по шагам, направился в прихожую. Татьяна вскочила с кровати и, не надевая халата, прямо в ночной рубашке выскочила из своей комнаты.

Он сидел на пуфике в прихожей и зашнуровывал ботинки. Не ожидал, что она не спит.

– Ты куда это собрался? – спросила Татьяна.

– Я по делам, – ответил он с некоторым смущением. – Да ты ложись, спи. Ну чего ты?

Татьяна почувствовала такую ненависть к нему, что даже рада была, что сейчас он уйдет. Пусть катится ко всем чертям.

– Уходи. И не возвращайся, – сказала она, и, заметив, что он не взял свою сумку, сбегала в его комнату, принесла сумку и бросила к его ногам. – Вон отсюда.

Он довольно спокойно выдержал ее психоз и спросил тихим голосом:

– В чем дело, дорогая? Я тебе мало заплатил? – Он достал из кармана сто долларов, положил на столик, где стояли ее духи и всякие дамские принадлежности. – Вот, возьми еще сотку.

Она схватила купюру, швырнула ему в лицо.

– Забирай свои деньги, и чтобы больше ноги твоей не было в моей квартире. Ты понял, урод?

Вместо ответа, он схватил ее рукой за горло, чуть сдавив его.

– Слушай ты, коза, а ну закрой свой рот, пока я не свернул тебе шею, – проговорил он это таким тоном, что Татьяна поняла, если еще произнесет хоть слово, он не задумываясь, сделает это. Закивала головой.

Он отпустил ее горло. Сказал с улыбкой:

– Вот и прекрасно, что мы с тобой пришли к взаимопониманию. А сейчас ты попей водички и ложись в свою постель. Через час я вернусь, и мы с тобой займемся любовью. Хорошо?

Татьяна ничего не ответила, только закивала головой. Когда он вышел, заперла дверь и сев на пуфик, где только что сидел он, прислушалась и не услышала его шагов. Немного показалось странным, что он не вызвал лифт и не стал спускаться по лестнице. Вместо всего этого она услышала едва различимое скрежетание в замке соседской двери. Услышала, как дверь открылась.

Ей стало страшно.

Глава 7

– Ну, господа сыщики, как успехи? – спросил полковник Васильков, входя в кабинет Туманова. Взяв свободный стул, «батяня» подсел к столу, заваленному бумагами. Обстановка была самая что ни на есть рабочая, поэтому полковник испытал некоторое удовлетворение, что его подопечные не сидят без дела, не болтаются по коридорам управления.

Под стол полковник заглянуть не догадался, и хорошо. А то бы он там увидел двухлитровую бутылку пива, которую усатый капитан Грек опорожнил в одиночку едва ли не на половину. Теперь же, когда полковник сел рядом, Грек тихонечко встал и как бы между делом отошел к другому столу, на котором стоял компьютер.

Возле компьютера сидел Ваняшин и, не отрываясь, смотрел на монитор, пытаюсь понять, что могут означать столбики цифр на дискете, которую Людмила Калугина должна была передать продавцам молока. И судя по его лицу, похвалиться пока старшему лейтенанту было нечем.

Грек подошел и сел рядом. В компьютере капитан был не силен, поэтому ничего Ваняшину подсказывать не решился. Сидел тихонько, лишь бы не мешать, да чтоб «батяня» не учуял пивной перегар.

– Дело продвигается? – спросил полковник, глянув почему-то не на кого-то, а на Сан Саныча Грека.

Грек кивнул, посчитав, что вопрос относится именно к нему. Сказал:

– Двигается, товарищ полковник.

«Батяня» глянул на Федора Туманова, словно требуя от того подтверждения за сказанное его подчиненным.

– Хотелось, чтобы вы обрисовали мне так сказать картину преступления в целом? – вдруг потребовал полковник.

Федор понял с полуслова, чего добивается «батяня».

– Если в целом, то все выглядит так. Некий гражданин под предлогом снять комнату, селится к одинокой женщине, соседке Калугина. Совершив убийство, подбрасывает револьвер в комнату через форточку...

– погоди, майор, – взглянул недоуменно Васильков на Федора, не дав тому закончить. – А может быть, ты ошибаешься? Ведь на рукоятке револьвера обнаружены отпечатки пальцев самого Калугина. Как быть с этим?

– Хочу сразу обратить ваше внимание, товарищ полковник, на вид оружия, – сказал Туманов. – Заметьте, револьвер. Удобен тем, что гильза при стрельбе не выбрасывается, а остается в барабане. А что касается отпечатков пальцев на рукоятке револьвера, есть у меня одно предположение. И мы собираемся его проверить.

Полковник призадумался на минуту, а потом сказал, вставая со стула:

– Ну что же, в таком случаи, не буду вам мешать. Проверяйте. Только не затягивайте. – Он вышел из кабинета и не торопливой походкой направился по коридору, заглядывая в двери кабинетов.

Грек с облегчением выдохнул скопившийся в груди воздух. При «батяне» боялся лишней раз дыхнуть.

– Фу, ты черт. Пронесло, – сказал он, вытаскивая из-под стола бутылку.

Но допить ее ему помешал Туманов.

– Поставь на место. Потом допьешь. Сейчас еще дел невпроворот, а ты за пиво взялся, – строго заметил Туманов.

Грек вздохнул, но бутылку поставил. Сказал:

– Это я с горя, Николаич. Представляешь, сегодня утром, после того как меня в больнице сменили, заехал домой позавтракать. Захожу, а Анютки моей нету. Ушла к себе. И одежду даже забрала.

– Выходит, конец твоей семейной жизни? – спросил Ваняшин приятеля Грека. Тот выглядел безнадежно потеряннным.

– Выходит, так, Леша. А все из-за того, что она решила, будто я эту ночь у чужой бабы провел. Я пошел к ней, объясниться, а она и слушать не хочет. На порог меня не пустила. Все вы, говорит, там в милиции, кобели, – сказав так, Грек вздохнул.

Ваняшин глянул на майора Туманова.

– Николаич, ты как старший по должности и званию, не можешь спокойно глядеть на то, как рушится семья. Товарищ твой пропадает.

– Пропадаю, – согласился Грек.

– Теперь готовить Греку, некому. Отощает, – с сочувствием заключил Ваняшин. Сам Грек на это согласно кивнул.

Федор посмотрел на старлея.

– Чего ты предлагаешь, чтобы я его к себе жить взял? Не получится. Дашка на меня тоже ругается. Я же их с Алешкой обещал в выходной за город свозить. На природу. А как узнала, что я буду работать в выходной, обиделась. Уйти грозит, – проговорил Туманов невесело.

Ваняшин закурил, выложив на стол пачку сигарет, которая тут же попала в руки к Греку. И помолчав немного, сказал:

– Вот так посмотришь на вас, и чего-то неохота постоянную девчонку заводить. У одного с личной жизнью не лады. У другого тоже.

– Не дрейфь, старлей. Прорвемся, – с долей определенности сказал Федор Туманов. – Нам бы сейчас только это дело побыстрее раскрутить. А все остальное наладится. Да, кстати, ты Людмилу Калугину отвез? – спросил майор. Опасаясь за жизнь девушки, попросил Ваняшина отвезти ее к кому-нибудь из родственников, чтобы на какое-то время она могла там пожить. Из родственников, оказалась только бабушка, и Людмила попросила отвезти ее к ней. Федор не возражал, только попросил, чтобы она ежедневно звонила им, а если что-то случится незапланированное, звонила немедленно в любое время суток.

– Сдал лично на руки старушке, – пошутил Ваняшин.

– Ну что ж, тогда, я думаю, нам самое время наведаться в районную станцию «скорой помощи». Со слов Людмилы Калугиной, когда она вошла в комнату, ей показалось, что муж был еще жив. А врач нас уверял, что когда они приехали, Калугин был уже мертв, – рассуждал в слух Федор Туманов.

– Не состыковочка получается, – заметил на это старший лейтенант Ваняшин.

– Вот именно, – согласился майор Туманов с молодым коллегой.

Капитан Грек ничего не сказал. Он сидел грустный, тоскуя по своей подруге Анютке.

* * *

Заведующая станцией «скорой помощи», еще сравнительно молодая и обаятельная женщина, узнав о цели визита сыщиков, и какого числа все это произошло, удовлетворенно кивнула головой и сказала:

– Вам повезло. Сигнал вызова принимала Любочка Томилина. Она как раз сегодня работает. Вам ее позвать? – спросила заведующая, любезно предоставив сыщикам для разговора свой кабинет. – Беседуйте и можете не торопиться. Я за нее посижу на телефоне, сколько нужно. Сейчас она придет. – Заведующая вышла в коридор, а Грек занял ее место

за столом. Он уселся в мягкое кожаное кресло на вертящейся ножке. Крутанулся в одну сторону. Потом в другую. И вдруг кресло закрипело.

Грек подскочил и сразу же пересел на один из деревянных стульев, стоящих возле окна. А старлей Ваняшин не упустил возможности, поддеть приятеля.

– Что, довертелся, космонавт хренов? – съязвил он.

В словарном запасе Грека нашлось бы, что ответить приятелю Лехе, но усатый капитан не успел. Дверь открылась, и в кабинет впорхнуло милое создание с улыбающейся мордашкой. Весило это создание, килограммов сто пятьдесят.

– Ой, – тихонько ойкнул Грек, вместе со стулом отодвигаясь в сторонку, чтобы создание ненароком не наступило ему на ногу. Так уж получилось, что к двери Грек сидел ближе всех.

– Тебе же такие нравятся, – шепнул ему на ухо Ваняшин, глянув в голубые глаза Любочки Томилиной.

– Это вы меня спрашивали? – спросила девушка, не пряча с лица обольстительную улыбку.

Глядя на нее, Грек почему-то решил, что не так давно Любочке Томилиной, скорее всего, сделали подтяжку лица. Что-то лишнее убрали. Что-то подтянули, вот теперь у нее рот и не закрывается.

Леха Ваняшин подумал, что Томилина принадлежит к отряду оптимистов, которые никогда не огорчаются не по какому поводу и как дети радуются самому малейшему пустяку.

Мысли майора Туманова сейчас были заняты делом. Раздумывать о дородных телесах толстушки ему было некогда, поэтому не теряя времени, майор сказал, указав на стул, стоящий напротив.

– Садитесь. И давайте сразу к делу.

Любочка Томилина села на предложенный стул, причем так близко к Туманову, что своими крупными коленками едва ли не уперлась в коленки майора. Короткий обтягивающий халатик задрался оголяя огромные ляжки, на которые Грек засмотрелся.

– Постарайтесь вспомнить, – майор назвал число и время, – вызов вы принимали. Мужчина с огнестрельным ранением, – напомнил Федор, хотя это и не требовалось. Заведующая станцией «скорой помощи» успела проинформировать толстушку Томилину, зачем по ее душу пришли оперативники.

– Да. Я, – кивнула диспетчер.

– И вы послали по адресу врача Макеева? – уточнил Туманов.

– Да. Макеева. И реаниматора Савельева. Он у нас на стажировке. А что произошло? Могу я узнать? – несколько забеспокоилась Любочка Томилина, но даже при этом не убрала улыбку с лица.

– Извините, но пока идет следствие, и мы вам ничего сказать не можем, – заявил майор Туманов, и призадумавшись, тут же попросил: – Лучше объясните нам такой момент...

– Пожалуйста. Все что хотите, – с готовностью проговорила Любочка и придвинулась к Туманову еще ближе, притеснив его.

Отодвигаться майору было некуда. Позади, за спиной, батарея и подоконник. Грек тихонько хихикнул по этому поводу. Ваняшин не обратил внимания, увлеченно записывал показания диспетчера Томилиной. Сам Федор мрачно глянул на усатого капитана, который таранился на огромные ляжки Любочки, и продолжил:

– Скажите, а почему вы по этому адресу послали Макеева, а не кого-то другого?

Улыбка на пухленькой мордашке Любочки Томилиной сделалась еще шире. Но в глазах появилось некоторое смущение, причина которого прояснилась чуть позднее.

– Можно, конечно, было послать кого-нибудь другого, – толстушка отвела взгляд в сторону. – Но этот Макеев... Понимаете, утром вызовов бывает мало. Ну одним словом, Макеев крутился тут у нас в диспетчерской...

– Рядом с вами? – уточнил Туманов, досказав то, чего как видно женщина не очень-то хотела выдавать. Но поставленная перед фактом, соврать не смогла. Призналась:

– Да. Рядом. И когда позвонили, он сам изъявил желание выехать.

– Скажите, а вас это не удивило? – вдруг спросил Грек.

Тамилина не поняла, что капитан имел в виду. Переспросила:

– А что должно было меня удивить?

– Ну хотя бы то, что вот он крутился возле вас, а потом позвонили, сообщили об огнестрельном ранении и он вдруг поехал, – настойчиво поинтересовался Грек, уставившись на пухленькую диспетчершу своими черными глазами.

Толстушка задумчиво пожала плечами.

– Не понимаю, почему это должно меня удивлять. Макеев врач опытный. Работает на «скорой» более десяти лет. И реаниматор с ним был. Тоже па-рень нормальный. Он у нас на стажировке.

– Надо бы нам с ним потолковать, – призадумавшись, сказал Грек. Причем, произнес это, не слишком-то надеясь, что именно так и получится. Ведь врачи «скорой помощи» работают посменно. Но видно уж сегодня день такой, благоприятный для оперативников.

Услышав про то, что сыщики хотят повидать реаниматора Савельева, толстушка радостно подскочила со стула, слегка толкнув при этом майора Туманова, и тому пришлось еще теснее прижаться к спинке стула.

– Вы знаете, а Савельев как раз только что приехал. Он должен был дежурить с Макеевым. Но Макеев на сегодня отпросился. Какие-то дела у него. А Савельева могу позвать, если хотите?

– Хотим, – сказал майор, и толстушка ринулась к двери.

На этот раз Грек замешкался и не успел вовремя убрать свои ноги с узкого прохода. И произошло то, чего он так опасался. Любочка Томилина наступила ему на ногу.

– Ой, извините, – извинилась она.

– Да ничего, – терпя боль, скривился Грек в мучительной улыбке. – Мне даже приятно, – пошутил он.

Трудно сказать, как восприняла его шутку сама Любочка. Она вышла.

– Вот корова. Так палец отдала, что сил нет терпеть. – Бесцеремонный Грек хотел стащить с ноги ботинок и растереть отдаленный толстушкой палец, но Федор Туманов убедил его не делать этого здесь в кабинете заведующей и потерпеть.

А через пару минут в кабинет заглянул парень в очках. И если у Любочки Томилиной рот не закрывался от улыбки, то этот великовозрастный краснощекий юноша выглядел мрачным и даже несколько угрюмым. Во всяком случае, точно не разговорчивым. Это Туманов сразу понял.

Увидев его очкастую физиономию в двери, майор спросил:

– Вы – Савельев?

Юноша кивнул.

– Ну тогда давай, заходи, – раздраженно махнул рукой Грек, приглашая реаниматора войти. – Чего ты там застрял?

Савельев вошел, поочередно глянув на каждого из сыщиков. Больше всех его внимание привлек почему-то усатый Грек. Наверное потому, что он был похож на цыгана и меньше всего на опера. По крайней мере, в его представление опера должны выглядеть такими, как те двое других: высокими, крепкими, обладающими милицейской хваткой. А всего этого за Греком не замечалось.

– Садитесь, – сказал Туманов, кивнув на тот стул, который еще хранил тепло только что сидевшей на нем толстушки Томилиной. И когда реаниматор разместился на стуле, спросил: – Томилина вас ввела в курс дела? Вы знаете, зачем вас пригласили?

– Да, – довольно скупно ответил реаниматор. Но Федора Туманова такой ответ не устраивал. Нужны были подробности, и майор попросил Савельева все вспомнить до мельчайших деталей.

– Все, что вы нам скажите, это очень важно для следствия. Поэтому, постарайтесь ничего не упустить, – попросил Туманов.

Реаниматор, не мигая, уставился на Федора Туманова через очки.

– Да мне особенно и вспоминать-то нечего, – развел он руками, заранее зная, что опера будут его ответом огорчены. – Но чем могу, готов помочь.

– Вот и давай, помогай, – сказал Грек. Савельев покосился на него и сказал:

– Мы приехали на вызов. Вошли в квартиру. Женщина рыдает, заходится в истерике. А в комнате на полу лежит мужчина с раной в голове. Как мне показалось, без признаков жизни. Хотя я его не осматривал. Его осматривал Макеев. Женщина кричала, что он якобы еще жив. Но сам я это утверждать не стану. – Реаниматор замолчал, посчитав, что сказал все.

– Хорошо. Что было дальше? – спросил Туманов, записывая показания реаниматора Савельева на диктофон, который лежал у майора в кармане.

– Женщина мешала. Ругалась на Макеева за то, что он якобы медлит и не хочет оказывать помощь ее мужу.

– И тогда врач Макеев попросил вас увести ее в кухню? – вспоминая рассказанное им Людмилой Калугиной, подсказал Туманов, видя, что Савельев несколько мешкает с ответом.

Реаниматор кивнул, соглашаясь.

– Да. Так и было. Макеев попросил меня увести женщину в кухню, чтобы она не мешала произвести осмотр и не выпускать пока ее оттуда.

– То есть, все то время, пока он осматривал Калугина, вы были с его женой на кухне? – проговорил майор с некоторой подозрительностью и, получив удовлетворительный ответ, сказал то, что все это время не давало ему покоя: – А теперь, постарайтесь, напрягите свою память получше. Вам необходимо вспомнить одну маленькую деталь. Возможно, не такую и важную для вас, но очень важную для нас. Когда вы заглянули в комнату, револьвер?... Где он валялся? Не припомните?

Минуту, а может и больше, Савельев молчал. Видно напрягал память. Потом заговорил хотя и не слишком уверенно:

– Знаете, я ведь в комнату не заходил. Заглядывал в нее из коридора.

– Мы это знаем, – кивнул Туманов. – Наш криминалист определил это по вашим следам. Да и жена погибшего тоже самое говорила. Но все-таки, попытайтесь вспомнить. Где валялся револьвер?

– На ковре, – ответил реаниматор, видя, что его ответ не удовлетворил любопытство сыщиков.

– Хорошо, – сказал Федор. – Задам вопрос иначе. На каком расстоянии он валялся от лежащего на ковре человека? – спросил опер.

– Знаете, довольно далеко. Человек лежал возле стола. А револьвер, по-моему, почти около шкафа.

– А шкаф стоит возле стены? – подсказал Грек.

Реаниматор кивнул.

– Точно. Возле стены.

Федор припомнил место положение лежащего на ковре Калугина. Когда сыщики вошли в квартиру, револьвер лежал рядом с его правой рукой. И на его рукоятки остались отпечатки пальцев убитого. Но Грек прав, шкаф стоит возле стены и расстояние до него не менее трех метров. Стало быть, кто-то постарался сначала вложить рукоятку револьвера в руку Калугину, а потом бросить его рядом. Ведь так должно быть при самоубийстве. И если

жена, Людмила Калугина и этот краснощекий юноша не делали этого, то остается еще один человек, с которым сыщикам надо повидаться.

– Ну что ж, я благодарю вас. Можете быть свободны, – кивнул Туманов на дверь, в которую великовозрастный юноша тут же поспешил исчезнуть.

Глава 8

Илье Макееву полные женщины не нравились. В излишней полноте, ему виделось что-то безобразное, портящее женскую форму, чего уж тут говорить про красоту. И поговорку, что хорошего человека должно быть много, он считал кощунственной по отношению к женщинам.

Ему нравилась худенькая брюнетка Олеся, работающая фельдшером с ним на «скорой помощи». Веселая, компанейская девушка, с которой и поговорить приятно. Ну и все такое. Под всем таким, Макеев имел в виду заниматься с Олесей сексом у себя дома, чтобы на работе никто ничего не знал про их отношения и не распускал сплетни.

Но неделю назад фельдшер Олеся перешла работать в стационар, а вместо нее Макееву дали парня, реаниматора по профилю, прибывшего к ним на стажировку. От такой замены Илья Макеев был не в восторге.

В то дежурство у них то и дело ломалась машина, и пока водитель ковырялся в моторе, Илья, оставив практиканта одного, умчался в диспетчерскую, обхаживать толстушку Любочку Тамилину. Она была самой молодой из трех диспетчеров. Две другие, были такими мымрами преклонного возраста, что Илья Макеев не решался с ними даже заговорить. То ли дело Любочка. Обделенная мужским вниманием, она была рада всякому, кто проявлял к ней интерес.

Илья Макеев старался вовсю. Насколько это было возможно между вызовами и ремонтом машины, забегал в диспетчерскую, садился к столу толстушки и плел ей такие байки про любовь, что у той только щечки краснели. Кажется, она была готова всецело отдаться Макееву прямо тут и возможно отдалась бы, если бы не те две мымры старушечки, бросающие на врача Макеева косые взгляды. Только самому Илье было наплевать на них, он знал, чего хочет. Не скупясь на нежности, нашептывал толстушке Любочке на ушко приятные словечки, при этом, не забывая прислушиваться ко всем телефонным звонкам, поступающим в диспетчерскую районной «скорой помощи».

Заранее предупрежденный о времени, когда все произойдет, Макеев утром чуть свет опять приперся в диспетчерскую и подсел к Любочке поближе, позволив себе даже положить руку ей на колено.

От этого прикосновения толстушка задрожала и, пользуясь тем, что их никто не слышит, тихонько спросила Илью:

– А почему ты раньше меня не замечал?

Упрек был справедливым, потому что и в самом деле Илья старался не обращать внимания на вечно улыбчивую не в меру располневшую добродушную девчину. Но теперь надо было что-то ответить. И ответ должен быть таким, чтобы не обидеть Любочку. И Макеев сказал:

– Дурак был. – И тихонько, украдкой вздохнул. На пушечный выстрел не подошел бы к этому жир тресту, если бы не нужда.

Но Любочка, разомлев от нежностей, запротестовала:

– Нет, нет. Не говори так, пожалуйста. Ты очень хороший.

Макеев опять вздохнул. Знала бы это чудо, как его воротит от запаха ее потного тела. Но приходится терпеть. Он глянул на часы, примерно прикидывая, сколько осталось ждать до срочного вызова.

Оставалось, минут пять. И потом конец его мытарствам с этой толстушкой. Пусть ее обхаживает, кто хочет, а с него хватит.

Толстушка Любочка была разочарована, когда, приняв вызов с улицы Лобачевского об огнестрельном ранении мужчины в голову, Илья Макеев вдруг вскочил со стула.

– Ну что ты, Илюша, останься, посиди со мной, – попросила она. – Я туда пошлю кого-нибудь другого.

Но Илья Макеев отверг ее предложение.

– Не надо никого посылать. Я съезжу. И так засиделся тут у вас, – сказал он, торопливо вставая со стула.

Когда он выходил, Любочка проводила его печальными глазами, хотя улыбка по-прежнему не сходила с ее лица. Только теперь она была грустной. Ей казалось, что она теряет навсегда Илюшу Макеева. Ведь не до чего конкретного они с ним так и не договорились. Помешал этот проклятый телефон. Зазвенел в самый не подходящий момент, и плачущая женщина сообщила, что, придя домой, увидела своего мужа лежащим по полу с раной в голове.

Ох уж эти вызова. Иногда Любочке хотелось закрыть уши ладонями, чтобы не слышать вопли о чужих болячках. Кто поинтересуется ее болячками и тем, каково ей на душе. Никому она не нужна в этом огромном мире. И глядя на закрывшуюся за врачом Макеевым дверь, ей захотелось разрыдаться.

Сидящие за своими столами две старушки, ехидно хихикали по поводу неудавшейся ее любви.

* * *

Всю дорогу, пока ехали, Илья Макеев торопил водителя, хотя тот и без того прибавлял скорость. Макееву было необходимо приехать туда раньше оперативной группы милиции. Так ему велел человек, позвонивший по телефону.

Успокоился Илья только тогда, когда, войдя в квартиру, узнал у плачущей женщины, что милиция еще не приезжала.

– Вы правильно поступили, что вперед позвонили нам, – одобрил он действия Людмилы Калугиной, настойчиво просившей оказать ее мужу необходимую помощь. – Все окей. Не беспокойтесь и самое главное, не мешайте нам, – сказал Макеев, глянув на лежащего, на ковре мужчину с простреленной головой. Определил сразу, что ранение было не смертельным. Раненый потерял сознание от боли и потери крови, но он был жив, и это сейчас особенно беспокоило Илью. Он вспомнил, о чем его настоятельно предупредил звонивший человек, следуя его инструкциям, Калугин не должен жить. А еще револьвер... Ведь все должно выглядеть, как обыкновенное самоубийство.

Обернувшись к Савельеву, Илья на правах старшего, сказал ему:

– Вот что, Савельев, отведи-ка ты женщину на кухню и побудь пока с ней, чтобы не мешала. Дай ей валерьянки. А я осмотрю ее мужа. – Он склонился над лежащим Калугиным, приложил пальцы к шейной артерии, чтобы проверить пульс и разочарованно вздохнул, потому что пульс, хоть и слабый, но все же прощупывался. Жена этого недостреленного оказалась права. Он был жив. Более того, почувствовав прикосновение, Калугин открыл глаза, пытаясь разглядеть, кто перед ним.

Кажется, он различил, что перед ним врач и теперь пытался что-то произнести. Губы его дрогнули.

Макееву сделалось не по себе. Теперь он должен доделать за кого-то грязную работу. И в душе Илья чертыхался на того идиота, который не смог нормально и сразу пристрелить Калугина. Сейчас бы не пришлось с ним возиться. А так...

– Лежите, голубчик, лежите. Вам нельзя разговаривать, – тихо, чтобы находящиеся в кухне женщина и реаниматор Савельев, не услышали его, сказал Макеев и, достав из кармана носовой платок, положил его Калугину на лицо, прикрыв нос и рот. Сверху на платок

опустил обе свои ладони, полностью закрыв доступ воздуха. Почувствовал, как ослабевшее от потери крови тело дернулось в предсмертной агонии раз и другой, и успокоилось.

Макеев убрал платок с лица. Потрогал пульс.

Все. Пульса не было, и зрачки лежащего человека не реагировали на свет.

Доктор посмотрел, брезгливо вытер руки об халат. Вот так убивать беспомощного человека ему еще никогда в жизни не приходилось. И врач Макеев чувствовал себя последним мерзавцем. Он не должен был убивать этого человека, который не сделал лично ему ничего плохого. И почему, кто-то должен приказывать ему.

Он вспомнил про револьвер. На нем обязательно должны остаться отпечатки пальцев Калугина. Значит, надо вложить револьвер ему в руку.

Макеев опять достал носовой платок. Не хватало, чтобы на этом проклятом револьвере еще остались его отпечатки. Чтобы этого не случилось, он через платок аккуратно взял револьвер, перенес к лежащему Калугину и вложив тому в правую руку, сжал его пальцы. Потом вынул револьвер из руки и положил рядом на ковер.

Распрямил спину и почувствовал головокружение. Даже удивился. Никогда прежде за собой не замечал такого. И давление всегда было в норме. Наверное, переволновался. Но теперь все позади, и сейчас Илья Макеев испытывал одно желание: поскорее выйти на улицу.

Заглянув в кухню, встретился взглядом с рыдающей женщиной, и как не хотелось ее разочаровывать, но ничего другого он сказать не мог.

– Мне неприятно вам это говорить... Но ваш муж мертв.

Савельев уставился на Макеева так, словно в чем-то заподозрил его. И Макеев отвел глаза, опять глянул на женщину.

Услышав такое от врача, Людмила вскочила из-за стола, опрокинув стакан с водой на пол.

– Нет. Этого не может быть, – закричала она. – Ведь он же был жив. Ну как же так? Скажите, что это неправда.

Макеев схватил ее за руки, усадил обратно за стол.

– Успокойтесь. Возьмите себя в руки, – попытался он уговорить забившуюся в истерике женщину, почему-то чувствуя перед ней вину больше, чем перед ее убитым мужем. Тот сейчас мертвый и ему уже ничего не нужно. А у живого человека есть эмоции, чувства. Ей сейчас тяжелей.

– Вы должны были оказать ему помощь. Понимаете? – проговорила Людмила Калугина так, как будто заведомо знала, что умер ее муж по вине нерасторопного врача Макеева. Но Макеев не был нерасторопным врачом. Он был хорошим врачом. И никогда бы не совершил того, чего совершил сейчас, если бы ни один случай.

* * *

Пару недель назад Илья Макеев поздно вечером возвращался домой от приятеля. У того было день рождения. Илья много не пил. За весь вечер им была выпита единственная рюмка коньяка. И за руль своей «десятки» «Жигуленка» он сел, чувствуя себя вполне трезвым. Ну а в случаи, если его все-таки остановят и гаишники докопаются, у него в правах лежали двести долларов. Верное средство, чтобы откупиться.

Он уже повернул на перекрестке возле кинотеатра Рассвет, на свою улицу, надавил ногой на педаль газа, и, увидев впереди, возле обочины стоящий грузовик, не сбавляя скорости, попытался, как и положено, объехать его слева, но вдруг в самый последний момент спереди грузовика на проезжую часть вышли двое. Как показалось самому Макееву, оба они были сильно пьяными. Причем, тот, который шел впереди, судя по внешнему виду, явно был бомж.

Увидев мчащуюся машину, бомж замешкался и даже вроде как хотел, отступить назад, но шедший за ним мужик, вдруг толкнул его, и бомж упал прямо под колеса мчавшейся на него «десятки».

Сидевший за рулем Макеев в какой-то момент растерялся. Никогда с ним не было такого, чтобы вот так человек попадал под колеса его машины. Надо было что-то предпринять. Решение пришло мгновенно. Илья вдавил ногой педаль тормоза до отказа, но предотвратить наезда не смог. Почувствовал, как машину подбросило, повело влево, и Илья с трудом справился с рулем, но все-таки удержал машину.

Время было позднее и машин почти не было. Да и людей тоже. И откуда только взялись эти двое ханыг. Ведь явно, что пьяные. Трезвые бы разве сунулись вот так под колеса. Словно нарочно стояли в темном месте улицы впереди проклятого грузовика и дожидались, пока он поедет. Теперь надо было что-то делать. Но что, Илья совершенно не знал. Испугался.

Когда правая передняя дверь машины открылась, и на сиденье запрыгнул какой-то человек, Илья вздрогнул.

– Вы кто? – спросил он, слегка заикаясь от нервного перевозбуждения.

Вместо ответа, незнакомец только махнул рукой, сказав:

– Поехали отсюда быстрее. Место конечно тут темное, но чем черт не шутит, вдруг кто-то еще кроме меня видел, как вы переехали этого бедолагу. Кишки и все такое, – он не договорил и опять махнул рукой, давая понять, что дело того несчастного дрянь.

– Значит, вы все это видели, – проговорил Илья это таким безнадежным голосом, словно хотел сдать в руки доблестных стражей порядка на дорогах. Хотя на самом деле, этого сейчас ему хотелось меньше всего.

– Поехали, – сказал незнакомец уже более настойчиво.

– А как же тот, второй? Он ведь тоже видел. Вдруг он запомнил номер моей машины? – забеспокоился Илья, но незнакомец утешил.

– Не думаю, – покачал он головой. – Во-первых, тут темно. А во-вторых, он не дурак, чтобы дожидаться гаишников и попасть в разряд свидетелей, чтобы потом затаскали в милицию. Он наверняка дал деру отсюда. Посмотрите, его уже нет.

Илья оглянулся. Второго мужика и в самом деле на дороге не было. На проезжей части лежал только один бомж.

– Знаете, нам лучше уехать отсюда, – в очередной раз настоятельно предложил незнакомец. И Макеев прислушался к его совету. Ведь, по сути, он был прав. Чего стоять тут и дожидаться, пока нагрянут доблестные автоинспектора, и потом будет масса неприятностей. А с этим случайным свидетелем, который сел к нему в машину, можно и договориться, сунуть ему денег, чтобы помалкивал.

Когда впереди замаячил его дом, Илья почувствовал себя немного спокойней и уверенней. Ведь с места происшествия удалось скрыться. Кивнув в сторону дома, он сказал:

– В том доме я живу. Если хотите, могу вас подвезти, – предложил он, соврав, потому что подвозить незнакомца не имел ни малейшего желания. И тот, кажется, раскусил Илью, улыбнулся по поводу вранья.

– Спасибо. Но я уж как-нибудь доберусь сам. А вы идите домой. Примите горячую ванну, выпейте стаканчик хорошего вина. Одним словом, вам надо расслабиться. А о том, что произошло, не думайте. Такое со всяким может быть. Да и для того бомжа смерть, только избавление от излишних мучений. – Он открыл дверь, собираясь вылезти.

– Погодите, – остановил его Илья. – Извините, конечно. Но может вам денег дать?.. – предложил он, вспоминая, сколько при себе имеет наличности. Общее количество было – тысяч сорок. Двести долларов в правах и наши «деревянные» отдельно в бумажнике.

– Денег? – незнакомец опять улыбнулся, отказавшись, и тут же вдруг сказал: – Лучше, знаете что, давайте так. Услуга за услугу. Я обязуюсь молчать, тем самым, помогая вам, а вы

поможете мне, когда возникнет такая необходимость. Вы ведь врачом на «скорой помощи» работаете?

– Да, – теряясь от осведомленности незнакомца, выговорил Макеев.

– Ну и прекрасно. Как-нибудь я позвоню вам. Моя фамилия – Шахов. Николай Петрович. Не забудете?

– Ну что вы, как можно. У меня с памятью все в порядке, – заверил Илья.

– Вот и хорошо. А сейчас идите домой и расслабьтесь, – посоветовал Шахов, и закрыв дверь машины, не торопясь пошел по тротуару, оставив Илью в недоумении.

– Он сказал, что позвонит, – проговорил Илья задумчиво. – А номера моего телефона не спросил. Это что же выходит? Стало быть, он номер моего телефона знает. Но откуда, черт возьми? И кто он такой, этот Шахов? Появился как приведение из темноты. – Домой Илья Макеев, возвращался в тягостных размышлениях.

А человек, назвавшийся Шаховым, подождал, пока Илья свернет в переулок к своему дому, потом достал из кармана пиджака трубку сотового, набрал номер.

– Как там у вас дела? – спросил он командным голосом. – Бомж жив? – То, что он услышал в ответ, несколько огорчило его и он, медленно шагая по тротуару и поглядывая на окна дома, в котором жил Илья Макеев, сказал: – Бомжа, прикончите, чтобы не мучился. Труп отвезите куда-нибудь за город. Я возвращаюсь, – добавил он и отключил мобильник.

Рядом остановился «Мерседес» цвета металлик.

А буквально вчера, этот Шахов позвонил Макееву и напомнил о том происшествии, свидетелем которого стал.

– Думаю, сидеть в тюрьме вам неохота. Ведь так? Скажите? – ненавязчиво потребовал он ответа, заметив напряжение в голосе врача.

– Что вам от меня надо? – спросил Илья, теперь только понимая, что вряд ли вся эта сцена с бомжом была случайной. Скорее всего, беднягу сцапали где-то на одной из улиц, в усмерть напоили водкой, а потом толкнули под колеса его машины. И если дело обстоит именно так, то, стало быть, они следили за ним не день и не два. Они знают, что он врач «скорой помощи» и знают номер его домашнего телефона.

– Илья Александрович, – назвал его Шахов по имени и отчеству, – не надо эмоций. Прежде всего, вы должны успокоиться и выслушать меня. Так вы успокоились?

Илье хотелось отослать этого успокоителя ко всем чертям, но тут же он задумался о том, что тогда может быть с ним. Вдруг тот человек даст свидетельские показания против него, или того хуже, с ним сделают то, что сделали с несчастным бомжом. Только это будет ни его, а уже другая машина.

– Я успокоился, – как можно спокойней произнес Макеев.

– Ну и прекрасно. – Похоже, Николай Петрович Шахов ликовал от восторга. – Надеюсь, вы не забыли, что за вами должок? – напомнил незнакомец.

– Да. Я не забыл, – глухим голосом ответил Илья, призадумавшись по поводу должка. Чего с него потребуют, машину? Квартиру? Пусть забирают, лишь бы больше не напоминали о долге и о том случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.